Д. ЛИХАЧЕВ

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“ — героический пролог русской литературы

„Слово о полку Игореве" — величайший художественный памятник древней Руси. Оно свидетельствует о творческом гении восточных славян XII века — в период до татаро-монгольского завоевания. Возникшее на почве общей культуры русских, украинцев и белорусов, „Слово" служит как бы символом братства этих народов. Открытое в конце XVIII века, „Слово" поразило поэтов, композиторов и художников своей замечательной силой и красотой. Оно отразилось в творчестве Радищева, Пушкина, Гоголя, Шевченко, Ивана Франко, Блока, Янки Купалы, Багрицкого, Заболоцкого, Прокофьева и многих других писателей.

В своей книжке Д. Лихачев ставит перед собою цель — объяснить непреходящее художественное и патриотическое значение „Слова о полку Игореве", его глубокую связь с нуждами и запросами своего времени, показать, что автор „Слова" был гениальным художником потому, что он был и великим гражданином.

Массовая
историко-
литературная
библиотека

Д. ЛИХАЧЕВ

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ" —

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПРОЛОГ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1967

8 Р1
Л 65

Оформление художника
Н. Васильева

7-2-2
218-67

К ЧИТАТЕЛЮ

Мне хочется представить себе: о чем прежде всего подумает читатель, беря в руки эту небольшую книжку и прочтя на ее обложке с детства знакомое название древнего русского литературного произведения. Может быть, ему вспомнятся школьные годы, когда он писал классное сочинение о «Слове» или отвечал о нем на уроке. Может быть, читатель даже подумает, что книжка на такую тему не будет интересной. Ведь памятник всегда казался ему не очень понятным... Но вслед за тем, вероятно, перед ним мелькнут и другие воспоминания и хорошие отдельные строки, запавшие в душу и запомнившиеся на всю жизнь.

Древняя русская литература? Двенадцатый век? Нечто от нас очень далекое? Нет, нет и нет! Наши представления о «Слове» сливаются с воспоминаниями нашей юности. И это понятно. Ведь и само «Слово» — это юность русской литературы,

юность мечтаний, благородных порывов, страстного стремления помочь отчизне, стремления к героическим подвигам. Вот почему оно все какое-то необыкновенно свежее, как дикий полевой цветок. «Диким полевым цветком, благоухающим, свежим и ярким» назвал «Слово» Белинский. Оно выросло где-то на границах со степью, на земле, обильно политой жаркой кровью русских людей. В нем много простоты, непосредственности, но есть уже и зрелое искусство, унаследованное от отцов и дедов. Унаследованное не делает его старее, не лишает его первозданной свежести.

Все это я говорю для того, чтобы читатель понял, как трудно писать о «Слове». И сейчас, когда я приступаю к своей небольшой книжке, я думаю: только бы не написать главы из учебника и не дать скучного назидания читателю. Пусть не об экзамене и не о письменной работе в восьмом классе средней школы напоминает читателю эта книжка, а о тех детских играх, в которых он воображал себя сражающимся с половцами за Русскую землю. Писать о «Слове» трудно, очень трудно. И мне, как древнерусскому писцу, необходимо попросить читателя простить промахи, простить «не те слова» и постараться прочесть за моей «нескладицей» то, что мне хотелось сказать читателю.

О КУЛЬТУРЕ РУСИ ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА

Написав заключительные слова моего обращения к читателю, мне захотелось начать свою книжку о «Слове о полку Игореве» по-летописному, «из глубины веков»: откуда пошла Русская земля, откуда явилась та сложная культура письменной речи, то высокое общественное и патриотическое сознание, та изумительная эстетическая одаренность, которые нашли такое рельефное отражение в «Слове»? Откуда это? Все дело, конечно, в том, что автор «Слова» был человеком своего времени, а время его было временем расцвета искусства.

Русь до татаро-монгольского завоевания была высокоразвитой страной — в социальном, политическом и культурном отношениях. Скандинавы называли ее Гардарикией — страной городов. В ней было развитое классовое общество. Она давно вышла из родо-племенного строя, стала страной феодальной. У нее было тесное культурное общение

с Византией, Болгарией, Венгрией, Чехией, Польшей. Северные берега Черного моря, где издавна имелись большие русские поселения и русское княжество в Тмуторокани, обладали собственной многовековой культурной традицией. Русский княжеский род был связан родственными узами с Германией, Францией, Византией, Венгрией, Норвегией, Англией, Грузией. В Киеве и Новгороде можно было видеть купцов арабов и греков, венгров и немцев, скандинавов и жителей Кавказа. Изделия русского ремесла проникали далеко на Запад и на Восток. Славились русские перегородчатые эмали, резьба по кости.

Побывайте в Киеве, в Новгороде, во Владимире на Клязьме, в Чернигове, в Полоцке, в Пскове, чтобы составить себе ясное представление об архитектурном искусстве XI—XIII веков. До недавнего времени собор Софии и собор Георгиевского монастыря в Новгороде были самыми большими постройками в этих городах. Богатству мозаичного и фрескового убранства храма Софии в Киеве дивились иностранцы еще в XVII веке. Но особенно замечательны храмы Владимира на Клязьме — Успенский, Дмитриевский, Покрова на Нерли. Искусство, с которым они построены, их белокаменная кладка и белокаменное резное убранство, высота их сводов, равномерность освещения, изящные пропорции, естественная связь с окружающей природой и сейчас могут многому научить даже опытного архитектора.

Особенно замечательна эта связь здания с окружающей природой, чувство ландшафта у древ-

нерусского архитектора. Они многое могут разъяснить и в том чувстве природы, которое так характерно для «Слова о полку Игореве». Князь и зодчий выбирали места для построения нового города. Древнерусские зодчие стремились строить на высоких местах, так, чтобы здание было видно издалека, чтобы оно господствовало над окружающей местностью, венчало холм, отражалось в реке или в озере.

Один из самых характерных примеров связи древнерусской архитектуры с окружающей природой — это одновременные «Слову о полку Игореве» храмы древнего Владимира. «Они великолепно поставлены на краю высоких городских холмов; их ослепительно белые стены и сияющие золотые главы видны на много километров от города; они господствуют в широком пространстве, с предельной ясностью воплощая в своем образе горделивое сознание владимирских горожан и их князей об их праве на главенство в Русской земле. В то же время эти здания органически слиты с рельефом своих высот, они как бы вырастают на их гребне, завершая их и отнюдь не подавляя нарочитой грандиозностью. Древнерусские зодчие отлично понимали мудрую истину, что величина не есть еще величие...

Эта связь архитектуры со свободным широким ландшафтом русской земли, активная роль здания в пейзаже определили некоторые примечательные особенности древнерусского зодчества. Стремление усилить значение постройки в окружающем

ландшафте рано привлекло интерес зодчего к сложной, впечатляющей композиции здания, к его высотности, к подчеркиванию архитектурной формы цветом».[1]

Драгоценные мозаики и яркие фрески домонгольской Руси сохранились в Киеве, Новгороде, Пскове, Владимире. Они свидетельствуют о чувстве цвета и линии, об умении сочетать изображение с архитектурными формами и рассчитывать расстояние, с которого будет рассматриваться роспись. Они торжественны и величественны, изображенные на них люди полны сознания своей силы и достоинства.

Только в конце первой четверти XX века стала известна домонгольская иконопись. Так же, как и фрески и мозаики, иконопись этого времени близка византийской, известной своими высокими художественными достоинствами. Для понимания «Слова о полку Игореве» особенно много дают изображения воинов и князей.

Литературное искусство домонгольской Руси представлено многочисленными и очень разнообразными произведениями. Ни один народ Западной, Восточной и южной Европы не знает такой истории своей страны, как «Повесть временных лет» — с ее юмором и художественностью, искусством диалога и рассказа, с ее высоким патриотическим сознанием и стремлением показать родную

---

[1] Н. Н. Воронин. Любите и сохраняйте памятники древнерусского искусства. М., «Искусство», 1960, стр. 15—16.

историю на фоне мировых событий, связать ее с историей Византии и славянства. Лишь в Византии были исторические произведения, которые могли бы быть сопоставлены с «Повестью временных лет».

«Поучение» Владимира Мономаха поражает нас сейчас своеобразным лиризмом своих политических размышлений. Это политическая лирика, близкая политической лирике «Слова», но смягченная старческой мудростью и спокойствием ее могущественного автора — главы самого крупного в тогдашнем мире государства, распростершего свои владения от Балтийского до Черного моря, от Карпат до Волги. За скоморошьими выходками Даниила Заточника в его «Молении» чувствуются настоящая скорбь и грусть. Высоким лиризмом проповедника проникнуты изящные, утонченные и необыкновенно искусно построенные «Слова» Кирилла Туровского. Лиризмом проникнуты и «жития» (биографии святых) того времени, и исторические повести о княжеских преступлениях, и даже самые летописи, которые велись во всех княжествах, во всех крупных городах и монастырях и даже в отдельных новгородских церквах. Лиризм был основной стихией литературы домонгольской Руси, лиризм гражданственный, высокий, сочетавшийся с патриотическим пафосом, с эпическими темами, с размышлениями об исторических судьбах родной Русской земли.

Эта гражданственная лирическая стихия в высокой степени характерна и для «Слова». «Слово» и в этом — детище своего времени.

ПОЛОЖЕНИЕ РУСИ В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ

«Слово о полку Игореве» с гениальной силой и проникновенностью отразило в себе главное бедствие своего времени — слабость государственного единства Руси и, как следствие, слабость ее обороны от натиска степных кочевых народов, в быстрых набегах разорявших старые русские города, опустошавших села, угонявших в рабство население, проникших в самую глубь страны, всюду несших с собою смерть и разрушение.

Ослабление государственных связей Руси было неизбежным следствием ее феодализации. В XII веке полностью возобладала феодальная раздробленность. Обширное древнерусское государство с центром в Киеве, эпоху расцвета которого следует относить к X — началу XI века, теперь, в XII веке, распалось на множество княжеств, лишь слабо объединенных между собой государственной общностью. Это распадение произошло под влиянием развития феодального способа производства.

В отдельных княжествах Руси — в Новгороде, в Полоцке, в Чернигове, во Владимире Суздальском и Владимире Волынском, в Переяславле Залесском и Переяславле Южном — окончательно сложилась феодальная экономика. Крестьянские общинные земли были захвачены феодалами. Растет крупное землевладение, растут новые города, усиливается борьба городов за городские вольности, и она сопровождается вспышками открытой классовой борьбы «черного люда» против местной феодальной знати.

Большое, но уже слабое в XII веке древнерусское государство не имело достаточно экономических и военных сил, чтобы помочь феодалам повсюду осуществлять свое господство и защищать страну от вторжений врагов. Феодалы, чтобы принудить крестьян работать на себя, создавали на местах свой суд, свое войско, свое управление. Так, исподволь, образовывались отдельные княжества — «полугосударства» — и происходило их обособление.

Распадение Руси на множество княжеств явилось следствием экономического роста, развития производительных сил на местах. Однако вскоре оно само стало сильнейшим препятствием для развития страны — экономического, политического и культурного.

Особенно ослаблялась внешняя оборона Русской земли. Князья отдельных княжеств проводили свою обособленную политику, считаясь в первую очередь с интересами местной феодальной знати, стремясь защитить и увеличить свои личные земельные владения и владения местного земельного боярства путем захвата земель соседей, и вступали в бесконечные междоусобные войны, призывали себе на помощь врагов Русской земли — половцев.

Общерусская власть киевского князя не исчезла еще полностью, но ее значение неудержимо падало. Князья уже не боялись киевского князя и наперерыв стремились к захвату Киева, чтобы увеличить свои владения и использовать гаснущий авторитет Киева в своих интересах.

Идея единства Руси отнюдь не умирает. Она высказывается в летописях. Она провозглашается отдельными князьями, использующими ее популярность в своих эгоистических целях. Она реально поддерживалась культурным единством русского народа, общностью русского языка на всей территории Русской земли, общностью народного творчества, общностью судебных установлений, денежной системы — единых повсюду. Идея единства жила напряженной жизнью в народе, жаждавшем защиты от внешних врагов.

ПОХОД ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА НА ПОЛОВЦЕВ

«Слово о полку Игореве» рассказывает о походе на половцев в 1185 году храброго князя небольшого Новгород-Северского княжества Игоря Святославича.

Вот как происходили события этого похода. С небольшими силами, не сговорившись с киевским князем Святославом, Игорь Святославич Новгород-Северский, очертя голову, «не сдержав юности», как о нем говорит летопись, отправился в далекий поход на половцев, замыслив дойти до берегов Черного моря и вернуть Руси далекие земли у Керченского пролива, когда-то принадлежавшие Черниговскому княжеству.

Поход состоялся раннею весною 1185 года. Кроме самого Игоря Святославича, в нем участвовали его сыновья и князь Святослав Ольгович

Рыльский. В походе у берегов Донца войско Игоря застало затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У Оскола к войску Игоря присоединился его брат Всеволод буй-тур — князь Курский и Трубчевский. Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские «сторожа» (разведчики) донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. «Сторожа» советовали возвратиться. Но вернуться домой без победы Игорь счел позором и предпочел идти навстречу смерти. Первое столкновение войск Игоря с половцами было удачным. Русские преследовали половцев, захватили обоз и пленных.

На следующий день с рассветом половецкие полки, подобно лесу, стали наступать на русских. Небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя всю Половецкую землю. Но и тут отважный Игорь не поворотил полков. Он произнес краткую ободряющую речь и приказал конным спешиться, чтобы пробиваться сквозь половецкие полки всем вместе — и конной княжеской дружине и пешему ополчению из крестьян. Трое суток день и ночь медленно пробивался Игорь к Донцу со своим войском. В бою Игорь был ранен. Отрезанные от воды воины были истомлены жаждою. На рассвете утром вспомогательные полки из осевших на Руси кочевников — так называемые ковýи — дрогнули. Игорь поскакал за ними, чтобы их остановить, но не смог их задержать и отдалился от своего войска. На обратном пути, в расстоянии полета стрелы от своего полка, он был

пленен половцами. Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод.

Поражение Игоря Святославича имело несчастные последствия для всей Русской земли. Никогда еще до того русские князья не попадали в плен к половцам. Половцы приободрились и с новой энергией ринулись на русские княжества. «Отворились ворота на Русскую землю», по выражению летописца...

В плену Игорь пользовался относительною свободой и почетом. За него, как за раненого, поручился половецкий хан Кончак. Половец Лавр предложил Игорю бежать. Игорь сперва отказался пойти «неславным путем», но вскоре ему стало известно, что возвращающиеся с набега на русский город Переяславль половцы, обозленные неудачами, собираются перебить всех пленных. Игорь решил бежать. Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебраться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Игорь перебрался через реку, сел там на коня и незамеченным проехал через половецкий стан. Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в родной Новгород-Северский, Игорь вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

Так рассказывают о походе Игоря Святославича летописи. «Слово» говорит об этом походе

как о хорошо известном читателю. Оно не столько рассказывает о нем, сколько обсуждает его, связывает события похода Игоря с общим положением Руси и русского народа.

ДВУЕДИНАЯ ТЕМА «СЛОВА»

Две темы сочетаются, переплетаются и противостоят друг другу в «Слове». Одна тема эпическая, государственная. Другая тема лирическая, личная. С одной стороны, автор «Слова» пишет о судьбах всей Русской земли, опустошаемой половцами и лишенной внутреннего единства, необходимого для сопротивления врагу. С другой, он пишет о личной судьбе потерпевшего жесточайшее поражение мелкого новгород-северского князя Игоря Святославича, его жены Ярославны, о судьбах отдельных русских князей — Всеволода буй-тура, Всеслава Полоцкого и многих других. Перед нами в «Слове» переплетение и смешение масштабов: огромной первой темы и небольшой — второй. В первой теме участвует вся Русская земля — от Новгорода на севере и до Тмуторокани на юге, от златокованого престола Ярослава Осмомысла у предгорий Карпат на западе до Владимиро-суздальского княжества Всеволода II с границами по Волге на востоке, а хронологически — от Владимира «старого» и до «нынешнего» Игоря — за целых два столетия. Во второй теме трогают нас слезы Ярославны, ее личное горе, обстоятельства бегства Игоря из плена, перипетии его

личной судьбы: гордое и мужественное выступление в поход, первоначальная победа над половцами с ее трофеями, последующее поражение, пленение, наконец бегство и радостное возвращение на родину, предвозвещающее возможность и новых личных удач для Игоря и отмщения врагам «за землю Рускую, за раны Игоревы». В этом трижды повторенном призыве автора «Слова» особенно удачно сочетается личное и общественное.

Политическая тема конкретизуется в личной, личная вырастает до размеров общенародной. Обе темы органически переплетаются и поддерживают друг друга, ни на минуту не оставляют друг друга. Это сочетание ведется автором с необыкновенным искусством. Особенно искусно автор поднимает личную тему до огромных размеров, заставляя природу сочувствовать судьбам людей. Солнце затмением предупреждает Игоря о поражении. Звери и птицы предвещают смерть, предвкушают добычу или встревожены судьбой Игоря и его войска. Битва с половцами предваряется грозой. Горе Ярославны сливается с природой. Ярославна обращается в своем плаче к ветру, к Днепру, к солнцу. Природа откликается на плач Ярославны и помогает бегству Игоря. Личные судьбы вырастают до размеров почти космических, — тем легче их переплетение с судьбами всего русского народа. Построение «Слова» музыкально. Перед нами своеобразный контрапункт.

Пересечение тем, масштабов, эпического и лирического начала, природы и человеческих судеб, широкое историческое ви́дение и психологическое

проникновение, соединение различных настроений, оплакивания с прославлением выполнены с острым и смелым мастерством, свидетельствуют о личной одаренности автора, о возвышенном трагизме его мироощущения, свойственного только великим художникам. Однако этот индивидуальный замысел автора в высшей степени типичен для древнерусской литературы.

В самом деле, эпическая тема очень характерна для древней русской литературы, но столь же характерно и лирическое разрешение этой эпической темы. Основная тема древней русской литературы — судьбы Русского государства и народа. Древняя русская литература в своих лучших произведениях вся посвящена Русской земле, ее истории, ее общественному и государственному преобразованию. Но эта большая, эпическая тема разрешается лирически. Автор постоянно заявляет о себе в своем произведении, говорит о своем отношении к изображаемому, обращается к читателю, убеждает его от своего имени, вносит глубокую эмоциональность в свое изложение. Это характерно и для житий святых, и для летописания, и для поучений, и для исторических повестей.

Тема Русской земли — основная тема многочисленных русских летописей, «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучения» Владимира Мономаха, житий Бориса и Глеба, пронизанного трагическими нотами «Слова о погибели Русской земли», повестей о битве на Калке, о разорении Рязани Батыем, о взятии Владимира на Клязьме, сказаний о граде Китеже и даже

скоморошьего «Моления Даниила Заточника». Но эта большая эпическая тема всюду лирично окрашена, она глубоко лична, часто скорбна и элегична, полна напряженного чувства. Следовательно, «Слово о полку Игореве» не одиноко в своем сочетании эпической темы с лирическим началом. Напротив того, именно это сочетание эпического и лирического, как мы видели, очень характерно для древнерусской литературы.

Столь же типично и другое. «Слово» учит, молит, призывает к единству, к мужественному и соединенному отпору врагу, исходя из факта поражения, несчастья. Древние русские произведения очень часто посвящены общественным бедствиям, военным неудачам русских. Авторы стремятся извлечь уроки из этих несчастий, они полны веры в силы русского народа, в его способность преодолеть зло и любые бедствия. Авторы никогда не закрывают глаза на худшее, оставаясь верны вере в лучшее. В этом особая мужественность древнерусской литературы.

Так же, как в религиозно-нравоучительной литературе проповедник исходил из факта общественных несчастий, чтобы наставить свою паству на путь истинный, так и в большинстве светских произведений того времени основной, исходной темой часто бывали поражение, убийство князя, общественное преступление: ослепление Василька Теребовльского, убийство князя Игоря Ольговича, убийство Андрея Боголюбского, поражение на Калке, набег половцев и т. д. На этой основе вырастала скорбная и прекрасная тема родины, ее

исторических судеб, преисполненная тоски по ее славному прошлому и заботы о будущем.

Мы увидим в дальнейшем, как типично для «Слова» соединение прославления, радости и скорби. Это также одно из тех сочетаний противоположностей, которое придает «Слову» особую художественную «стереоскопичность».

Все в «Слове» как бы двоится, пересекается, играет десятками граней. Именно благодаря этому, небольшое по размерам, оно так емко и трепетно.

СОДЕРЖАНИЕ «СЛОВА» И ЕГО ИДЕИ

В «Слове о полку Игореве» нет систематического рассказа о походе Игоря. Поход Игоря против половцев и поражение его войска — это для автора только повод для глубокого раздумья о судьбах Русской земли, для страстного призыва объединиться и защитить Русь. Поражение войск Игоря автор рассматривает как грозное предостережение виновникам несчастий — русским князьям, погрязшим в междоусобных войнах и сделавшим родину добычей хищных кочевников. Автор страстно негодует против междоусобных войн русских князей. Как подлинный выразитель интересов всего населения Руси, страдавшего от раздоров князей и нашествий половцев, он призывает прекратить междоусобные войны и объединиться против внешних врагов. Эта мысль — единение русских против общих врагов — и является главной мыслью произведения. Горячий патриот, автор

«Слова» видит причину неудачного похода Игоря не в слабости русских воинов, а в князьях, которые разоряют родную землю и забывают общерусские интересы.

«Слово о полку Игореве» начинается с размышления автора о том, как ему лучше начать рассказ о походе Игоря — так ли, как пел когда-то старинный певец Боян, паривший мыслями под облаками, под перстами которого струны сами рокотали славу князьям, или следуя за действительными событиями. Автор выбирает последнее и начинает свой рассказ воспоминанием о том, как грустно было начало похода Игоря, какими зловещими знаками — затмением солнца, воем волков по оврагам, лаем лисиц — он сопровождался. Сама природа как бы хотела остановить Игоря, не пустить его дальше. Поражение войск Игоря автор не описывает подробно. В этом не было и необходимости, поскольку поражение Игоря было еще свежо в памяти у всех, но автор «Слова» вносит в свою краткость особую взволнованность: он как бы не может сосредоточиться на поражении, он страдает, воспоминания об этом поражении для него слишком ужасны, он отступает от своего повествования в сильном волнении. Он вспоминает о других поражениях, об усобицах деда Игоря — Олега Гориславича — и напоминает о страшных последствиях тех усобиц, когда крестьяне в поле не покрикивали на своих лошадей, а только вороны в поле граяли, собираясь полететь на «уедие». Поражение Игоря и его ужасные последствия для всей Русской земли как бы заставляют

автора вспомнить о том, что еще недавно киевский князь Святослав с соединенными силами русских князей победил этих самых половцев. Он переносится мысленно в Киев, в терем Святослава, где Святославу снится зловещий и непонятный ему сон. Бояре объясняют Святославу, что сон этот «в руку» — Игорь Новгород-Северский потерпел страшное поражение. И вот Святослав погрузился в горькие думы. Он произносит «золотое слово», в котором упрекает Игоря и его брата Всеволода буй-тура за то, что они ослушались его, не уважили его седин, одни, без сговора с ним, самонадеянно пошли на половцев. Речь Святослава постепенно переходит в обращение самого автора ко всем виднейшим русским князьям того времени. Автор «Слова» напоминает русским князьям, как они сильны, как сильна их дружина, и просит их вступить в стремя за землю Русскую, за раны Игоревы. Он отмечает славные победы Всеволода Суздальского, его могущество и силу. Он говорит, что его воины могут «шлемами вычерпать» Дон и расплескать воду Волги. Обращаясь к Ярославу Осмомыслу Галицкому, автор говорит, что он подпер горы венгерские своими железными полками, загородив путь венгерскому королю, затворив ворота Дунаю. Автор «Слова» видит русских князей могущественными и славными. К одному за другим из русских князей обращается автор «Слова». Но вот гневная нота в голосе автора сменяется нежной и лирической: автор «Слова» вспоминает юную жену Игоря — Ярославну. Он приводит слова ее полного тоски плача по муже и по его погибшим воинам.

Ярославна плачет на городской стене в Путивле. Она обращается к ветру, к Днепру, к солнцу. Она тоскует и умоляет их о возвращении мужа. Как бы в ответ на мольбу Ярославны прыснуло море в полночь, закрутились смерчи на море: Игорь побежал из плена. Описание бегства Игоря из плена — одно из самых поэтических мест в «Слове о полку Игореве». Заканчивается «Слово» радостно — возвращением Игоря в Русскую землю и пением ему славы при въезде в Киев. Несмотря на то, что «Слово» посвящено поражению Игоря, оно полно уверенности в могуществе русских, оно исполнено веры в славное будущее Русской земли.

В одном из писем к Энгельсу в 1856 году Карл Маркс так определил главную идею «Слова о полку Игореве»: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».[1] Эта идея единения перед лицом страшной внешней опасности подчиняет себе все содержание «Слова». Призыв к единению проникнут в «Слове» самой страстной, самой сильной и самой нежной любовью к родине.

ОБЩЕНАРОДНОСТЬ ИДЕЙ «СЛОВА»

Идеи «Слова» не были чем-то исключительным в исторической действительности своего времени. Автор «Слова» не был одинок в своем призыве к единению.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 1-е, т. XXII, стр. 122.

Необходимость крепкой защиты родины осознавалась прогрессивными представителями класса феодалов. Она в высокой степени отвечала интересам всего трудового народа. Народные массы неоднократно брали на себя инициативу защиты Русской земли от внешних врагов. Когда в 1017 году, разбитый Святополком и польским королем Болеславом, Ярослав Мудрый бежал в Новгород и собирался дальше уплыть за море, народ рассек ладьи Ярослава и обратился к нему со словами: «Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополком». Народ собрал Ярославу деньги и дружину, и враги Руси были побеждены. Когда в 1068 году Изяслав, Всеволод и Святослав Ярославичи были разбиты половцами и бежали, народ киевский созвал вече на торговище и обратился к Изяславу: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся с ними». Отказ Изяслава выдать оружие для борьбы с половцами вызвал восстание. Когда в конце XI века произошла резкая вспышка княжеских междоусобий, народ киевский послал к Владимиру Мономаху представителей с особенно знаменательными словами: «Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубити Русьскые земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе по Русьскей земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую».

Отстаивая необходимость объединенной обороны Русской земли, автор «Слова» выражал интересы

всего русского народа. Он не был идеологом князей, бояр-землевладельцев или духовенства. При всем сочувствии автора «Слова» к Игорю Святославичу, он не был его придворным поэтом и не был защитником местных интересов (черниговских, киевских или новгород-северских). Игорю он сочувствует, но и осуждает его безрассудство. Автор «Слова» занимал независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию. В числе князей, к которым он обращается, он называет и ольговичей и мономаховичей. Ему были чужды местные интересы феодальных верхов и были близки интересы широких слоев трудового населения Руси. Сам автор «Слова», конечно, не был ни крестьянином, ни ремесленником. Это был человек не только грамотный, но и хорошо образованный. Его осведомленность в политических делах современной ему Руси обличает в нем человека, близко стоящего к княжеской среде. Однако социальное положение автора «Слова» не соответствовало его социальным симпатиям. Он неразрывно соединил свои думы и надежды с думами и надеждами всего русского народа. Именно это определило собой глубокую народность не только содержания, но, как мы увидим, и художественной формы «Слова». Автор «Слова» творит в формах народной поэзии потому, что он сам близок к народу, стоит на народной точке зрения. С народной поэзией связывают его и политическое мировоззрение и художественные вкусы.

«Слово» повествует не только о князьях: оно говорит о народе, о простых ратаях — пахарях, о ру-

сичах — русских сынах, о курских кметях, о русских воинах, о женах этих воинов. Оно сочувствует народу в целом. Вот почему оно и по своим художественным особенностям близко народной поэзии. Кем бы ни был автор «Слова» — дружинником, придворным певцом, простым ратником, — объективно он был выразителем народных интересов.

«СЛОВО» — ГЕРОИЧЕСКИЙ ПРОЛОГ

Древняя русская литература всегда отличалась большим общественным пафосом. Ее слово было словом учительным. Начальный летописный свод изобличал «несытство» князей, их жадность, нежелание далекими походами оборонять Русскую землю. Жития Бориса и Глеба обличали отсутствие среди князей братолюбия, единства, подчинения старшему. Создался даже целый жанр повестей о княжеских преступлениях — убийствах, ослеплениях, клятвопреступлениях. Этот жанр был одним из самых реалистических в древней русской литературе. Таковы Повесть об ослеплении Василька Теребовльского, Повесть об убийстве Игоря Ольговича, Повесть о клятвопреступлении Владимирки Галицкого и многие другие. Преступления описывались в них с наглядностью, способной вселить возмущение в любого видавшего виды читателя времен феодальных раздоров. Публицистический дух проник в Киево-печерский патерик, в Повести о Калкской битве, в Повесть о разорении Рязани Батыем, в Рязанский летописец, даже в балагурство

«Моления Даниила Заточника», в постановления церковных соборов и в канонические трактаты. Еще больше этот дух гражданственности, защиты общенародных интересов против своекорыстия властей, изобличения бояр, князей, богатых и сильных мира сего утвердился в литературе XV, XVI и XVII столетий. Общественный протест рос и крепчал. Он становился все опаснее для государства и вызывал ответное противодействие князей. Уже в XI веке среди писателей того времени, несмотря на всю скудость сведений о них, мы можем различить первые жертвы государственных репрессий против литературы: княжеский гнев обрушился на одного из первых русских проповедников — киево-печерского игумена Феодосия; автора «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона смещают; летописца Никона принуждают бежать в Тмуторокань. Служение литературе с самого начала приобрело черты жертвенности, становилось мученичеством и не переставало им быть ни в один из последующих веков: Даниила заточают, Максима Грека переводят из одной монастырской тюрьмы в другую, писателей из новгородских и московских еретиков казнят, Аввакума и его ученика Епифания сжигают. Монастыри становятся крупными книжными центрами не только благодаря государственному покровительству, но и потому, что церковная и государственная власти заточают в них писателей, которые и здесь, в заточении, продолжают свое героическое служение литературе, а через нее — народу.

Автор «Слова» мужественно обличает крамолу князей — своих современников и их предков. Родоначальник князей ольговичей — Олег Святославич, прозванный им Гориславичем, мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял, при нем Русская земля засевалась и порастала усобицами, погибало достояние русского народа — «Даждьбожьего внука», в княжеских крамолах сокращались жизни человеческие, редко слышались покрикивания пахарей, но часто граяли вороны, деля между собой человеческие трупы. При родоначальнике полоцких князей — Всеславе Полоцком — кровавые берега Немиги не добром были посеяны — посеяны костьми русских сынов. Бориса Вячеславича Киевского похвальба на суд привела, уложила его на смертное ложе — на зеленую «паполому» реки Канины. Потомки этих князей не лучше. Автор «Слова» гордится Игорем Святославичем, жалеет его, но вместе с тем упрекает его за безрассудство, за ослушание Святослава Киевского. С поражением Игоря «не веселая година настала», прекратилась борьба князей против половцев и сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» говорить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую. И застонал Киев от горя, а Чернигов от напастей; тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная потекла посреди земли Русской. Игорь и Всеволод своим непослушанием пробудили коварство половцев. Словами Святослава Киевского автор упрекает Игоря и Всеволода за поиски личной славы.

Идеал автора—князь мужественный и сильный, способный побеждать врагов и оборонять Русскую землю, обладающий многочисленным и храбрым войском. Все русские князья — современники автора «Слова» — в той или иной мере не удовлетворяют этому идеалу. Всеволод Суздальский могуществен, но он не хочет прилетать издалека на юг поблюсти здесь золотой стол своего отца — Юрия Долгорукого. Рюрик и Давыд обладают храброй дружиной, но и их нужно призывать вступить в золотые стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоря. Ярослав Осмомысл высоко сидит на своем златокованом престоле, подперев Венгерские горы своими железными полками, заступив путь венгерскому королю, рядя суды до Дуная, ведя могущественную политику на Ближнем Востоке и повелевая даже Киевом, но и его нужно призывать выступить против Кончака, за землю Русскую, за раны Игоревы. Роман и Мстислав храбры и отважны, но для Игоря князя тем не менее померк солнца свет, половцы по Роси и по Суле города поделили. Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича не по праву побед захватили себе владения. Автор «Слова» стыдит этих князей: «Где же ваши золотые шлемы, и копья польские, и щиты? Загородите же полю ворота своими острыми стрелами, за землю Рускую, за раны Игоревы». Особенно гневные слова обращает автор к полоцким Всеславичам. Он требует, чтобы они склонили свои стяги, вложили в ножны свои поврежденные мечи, ибо лишились они дедовской славы и своими крамолами начали наводить поганых

на землю Русскую, на достояние своего деда Всеслава. Из-за их усобицы наступило насилие от земли Половецкой. Раздор между Рюриком и Давыдом врозь развевает их знамена.

Автор «Слова» чувствует себя власть имеющим, как чувствовали себя власть имеющими и все последующие русские писатели. Мы узнаем в «Слове» замечательный героический дух всей последующей русской литературы, высокое сознание своей ответственности, своего писательского призвания, своего общественного долга. Автор «Слова» обращается к князьям не как подданный, а как библейский пророк, как изобличитель неправды. Автор «Слова» был независим и смел. Он говорил как равный со всеми, не унижался до лести, требовал, а не молил. Голос его поднялся до изобличительного пафоса. Есть что-то пророческое в его обличениях и призыве к единению как раз перед нашествием монголов.

Такими были и все последующие русские писатели: будь то Аввакум, простецкой бранью изобличавший царя Алексея Михайловича и сожженный за «великие на царский дом хулы», или безвестные авторы демократических сатир XVII века, изобличавшие богатых и сильных мира сего. В страстном и требовательном обращении автора «Слова» к русским князьям есть что-то предвещающее властные и гневные обращения к царям Радищева, Пушкина, Лермонтова, Рылеева и многих, многих других русских писателей нового времени.

Русские писатели всегда осознавали себя независимыми, ответственными только перед народом,

более высокими по своему призванию, чем князья и цари. Автор «Слова о полку Игореве» только первый в их ряду. «Слово о полку Игореве» — это героический пролог к героической русской литературе.

О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ «СЛОВА»

В «Слове» ясно ощущается широкое и свободное дыхание устной речи.[1] Оно чувствуется и в выборе выражений — обычных, употреблявшихся в устной речи, терминов военных и феодальных; оно чувствуется и в выборе художественных образов, лишенных литературной изысканности и народных; оно чувствуется и в самой ритмике языка, как бы рассчитанного на произнесение вслух. Автор «Слова» постоянно обращается к своим читателям, точно он видит их перед собой. Он называет их «братие» («Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие...», «почнемъ же, братие...»). В круг своих воображаемых слушателей он вводит и своих современников и людей прошлого. Он обращается к Бояну — «О Бояне, соловию стараго времени! абы ты сиа плѣкы ущекоталъ». Он обращается к буй-туру Всеволоду: «Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными!» Он обращается к Игорю, к Всеволоду Суздальскому, к Рюрику и Давыду Ростиславичам

---

[1] См.: И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси.— Сб. «Слово о полку Игореве», М. — Л., изд-во АН СССР, 1950.

и т. д. Описывая печальные предзнаменования, которые предшествовали походу и сопровождали Игоря на его роковом пути, он как бы хочет остановить Игоря и тем самым вводит читателя в тревожную обстановку похода. Он прерывает самого себя восклицаниями скорби: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!», «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!» Все это создает впечатление непосредственной близости автора «Слова» к тем, к кому он обращается. Эта близость переходит за грань близости писателя к своему читателю, — это скорее близость оратора к своим слушателям. Автор «Слова о полку Игореве» ощущает себя говорящим свое произведение, а не пишущим его.

Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение, предполагать, что в «Слове о полку Игореве» соединены жанровые признаки ораторского «слова» — все равно, предназначавшегося для произнесения или только для чтения. Дело в том, что устная речь, «позиция» оратора характерны для всех жанров древнерусской литературы. Древнерусская литература как бы не успела еще отделиться от устной речи, в ней не успели закрепиться приемы письменного художественного творчества, резко противостоящего устному художественному слову. Обращения к слушателям, ораторские восклицания, ритмика устной речи характерны не только для «слов» и «проповедей», но и для житий, для летописей, для исторических повестей, для произведений чисто церковных. Ораторские приемы мы сможем найти

в любом произведении древнерусской литературы. Их может быть больше или меньше, но они присутствуют всюду.

Лирики, непосредственной передачи своих чувств и настроений в «Слове» больше, чем этого можно было бы ожидать от произведения ораторского. Исключительно сильна в «Слове» и его ритмичность. Наконец, следует обратить внимание и на то, что сам автор «Слова», хотя и называет свое произведение очень неопределенно — то «словом», то «песнью», то «повестью», однако, выбирая свою поэтическую манеру, рассматривает как своего предшественника не какого-либо из известных и нам ораторов XI — XII веков, а Бояна — певца, поэта, исполнявшего свои произведения под аккомпанемент какого-то струнного инструмента — по-видимому, гуслей. Автор «Слова» до известной степени противопоставляет свою манеру манере Бояна (автор обещает начать свою «песнь» по былинам сего времени, а не по «замышлению Бояню»), однако это противопоставление потому-то и возможно, что он считает Бояна своим предшественником в том же роде поэзии, в каком творит и сам. Не исключена возможность, что автор «Слова» предназначал свое произведение для пения.

Вот почему, размышляя над жанровой природой «Слова», важно обратиться к народной поэзии. «Слово» — не произведение народной поэзии, но народная поэзия имеет все же, как мы увидим в дальнейшем, прямое отношение к вопросу о его жанре.

Связь «Слова» с произведениями устной народной поэзии яснее всего ощущается в пределах двух

жанров, чаще всего упоминаемых в «Слове», — плачей и песенных прославлений — слав, хотя далеко не ограничивается ими. Плачи и славы автор «Слова» буквально приводит в своем произведении, им же он больше всего следует в своем изложении. Их эмоциональная противоположность дает ему тот обширный диапазон чувств и смен настроений, который так характерен для «Слова» и который сам по себе отделяет его от произведений устной народной словесности, где каждое произведение подчинено в основном одному жанру и одному настроению.

Плачи автор «Слова» упоминает не менее пяти раз: плач Ярославны, плач жен русских воинов, павших в походе Игоря, плач матери Ростислава. Плачи же имеет в виду автор «Слова» тогда, когда говорит о стонах Киева и Чернигова и всей Русской земли после похода Игоря. Дважды приводит автор «Слова» и самые плачи: плач Ярославны и плач русских жен. Многократно он отвлекается от повествования, прибегая к лирическим восклицаниям, столь характерным для плачей: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!», «То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано!», «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями!», «А Игорева храброго плъку не крѣсити!»

Близко к плачам и «золотое слово» Святослава, если принимать за «золотое слово» только тот текст, который заключается упоминанием Владимира Глебовича, — «Туга и тоска сыну Глебову». «Золотое слово» «съ слезами смѣшено», и Святослав говорит его, обращаясь, как и Ярославна,

к отсутствующим — к Игорю и Всеволоду Святославичам.

Автор «Слова» как бы следует мысленно за полком Игоря и мысленно его оплакивает, прерывая свое повествование близкими к плачам лирическими отступлениями. «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было оно обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый половчине!»

Связь плачей с лирической песнью особенно сильна в так называемом плаче Ярославны из «Слова о полку Игореве». Автор «Слова» как бы цитирует плач Ярославны — приводит его в более или менее большом отрывке или сочиняет его за Ярославну, но в таких формах, которые действительно могли ей принадлежать.

Не менее активно, чем плачи, участвуют в «Слове» песенные славы. С упоминания о славах, которые пел Боян, «Слово» начинается. Славой Игорю, Всеволоду, Владимиру и дружине «Слово» заключается. Ее поют Святославу немцы и венедици, греки и морава. Слава звенит в Киеве, ее поют девицы на Дунае. Она вьется через море, пробегает пространство от Дуная до Киева. Отдельные отрывки из «слав» как бы звучат в «Слове»: и там, где автор его говорит о Бояне, и там, где он слагает примерную песнь в честь похода Игоря, и в конце «Слова», где он провозглашает здравицу князьям и дружине. Слова славы то тут, то там слышатся в обращении к русским князьям, в диалоге Игоря с Донцом («Княже Игорю, не мало ти величия...», «О, Донче! не мало ти величия...»). Наконец, они

прямо приводятся в его заключительной части: «Солнце свѣтится на небесѣ, — Игорь князь въ Руской земли».

Славы, в противоположность плачам, были очень тесно связаны с княжеским бытом, и эта связь их с княжеским бытом постоянно заметна в «Слове». Славу поет князьям Боян, под звон какого-то струнного инструмента; славу поют князьям девицы и иноземцы. Славы, по-видимому, исполнялись поразному, но пелись они всегда князьям в определенной обстановке (пир в гриднице, возвращение князя в родной город и т. п.).

Итак, «Слово» очень близко к плачам и славам (песенным прославлениям). И плачи и славы очень часто упоминаются в летописях XII—XIII веков. «Слово» близко к ним и по своей форме и по своему содержанию, но в целом это, конечно, не плач и не слава. Народная поэзия не допускает смешения жанров. «Слово» — произведение книжное, но близкое к этим жанрам народной поэзии. Это, повидимому, особый род книжной поэзии, может быть еще не успевший окончательно сложиться.

«СЛОВО» В РЯДУ БЛИЗКИХ ЕМУ ПО ЖАНРУ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Как определить: было ли «Слово» первым произведением в том поэтическом роде, в котором оно написано, или оно уже имело за собой какую-то давнюю традицию? Время ли не сохранило нам его предшественников или их не было вовсе?

К сожалению, от времени, предшествующего «Слову», до нас не дошло ни одного произведения, которое хотя бы отчасти напоминало «Слово» по своему характеру. Мы можем найти отдельные аналогии «Слову» в деталях, в отдельных приемах ораторской или поэтической речи, но не в целом. Только *после* «Слова» мы найдем в древней русской литературе несколько произведений, в которых встретимся с тем же сочетанием плача и славы, с тем же дружинным духом, с тем же воинским патриотизмом, которые позволяют объединить их вместе со «Словом» в единый жанр и даже связать этот жанр со светской, княжеско-дружинной средой, где только он и мог возникнуть и развиваться.

Мы имеем в виду следующие три произведения: похвалу Роману Мстиславичу Галицкому, читающуюся в Ипатьевской летописи под 1201 годом, «Слово о погибели Русской земли» и «Похвалу роду рязанских князей», дошедшую до нас в составе Повестей о Николе Заразском. Все эти три произведения обращены к прошлому, что составляет в них основу для сочетания плача и похвалы. Каждое из них сочетает книжное начало с духом народной поэзии плачей и слав. Каждое из них тесно связано с дружинной средой и дружинным духом воинской чести.

Похвала Роману Мстиславичу — это прославление его и плач по нем. Это одновременно плач по былому могуществу Русской земли и слава ей. В текст этой «жалости и похвалы» введен краткий рассказ о траве евшан (полынь) и половецком хане Отроке. Он посвящен Роману и одновремен-

но — Владимиру Мономаху. Ощущение жанровой близости «Слова о полку Игореве» и похвалы Роману Мстиславичу было настолько велико, что позволяло даже некоторым исследователям видеть в похвале Роману отрывок, отделившийся от «Слова». Но похвала и «Слово» имеют и существенные различия. Эти различия не жанрового характера. Они касаются лишь самой авторской манеры. Так, например, автор похвалы Роману сравнивает его со львом и с крокодилом («устремил бо ся бяше на поганыя яко и лев, сердит же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодил, и прехожаше землю их яко и орел, храбор бо бе яко и тур»). Автор «Слова о полку Игореве» постоянно прибегает к образам животного мира, но никогда не вводит в свое произведение зверей иных стран. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он пользуется только образами русской природы, избегая всяких сравнений, не прочувствованных им самим и не ясных для читателя.

«Слово о погибели Русской земли» — также плач и слава, «жалость и похвала». Оно полно патриотического и одновременно поэтического раздумья над былой славой и могуществом Русской земли. В сущности, и в похвале Роману тема былого могущества Русской земли — центральная. Здесь, в «Слове о погибели», эта тема не заслонена никакой другой. Как и похвала Роману, она насыщена воздухом широких просторов родины. В похвале Роману — это описание широких границ Русской земли, подвластной Мономаху. Здесь, в «Слове о погибели», — это также еще более детальное описание границ Руси,

подчиненной тому же Мономаху. «Отселе до угор и до ляхов, до чяхов, от чяхов до ятвязи, и от ятвязи до литвы, до немец, до корелы, до Устьюга, где бяху тамо тоимицы погании, и за Дышючим морем, от моря до болгарь, от болгарь до буртас, от буртас до чермис, от чермис до мордви — то все покорено было богом христьяньскому языку поганьския страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю киевъскому, деду его Володимеру и Мономаху, которым то по́ловицы дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на свет не выникиваху, а угры твердяху каменые городы железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не вьехал, а немцы радовахуся, далече будуче за синим морем».

Не только поэтическая манера сливать похвалу и плач, не только характер темы сближают похвалу Роману со «Словом о погибели», но и самое политическое мировоззрение, одинаковая оценка прошлого Русской земли. В «Слове о погибели» нет только того элемента рассказа, который есть в похвале Роману и который сближает ее со «Словом о полку Игореве».

Наконец, тем же грустным воспоминанием о былом могуществе родины, тою же похвалою и «жалостью» овеяно и третье произведение этого вида — «Похвала роду рязанских князей». Эта последняя восхваляет славные качества рода рязанских князей, их княжеские добродетели, но за этой похвалой старым рязанским князьям ощутимо стоит образ былого могущества Русской земли. О Русской земле, о ее чести и могуществе думает автор «Похвалы», когда говорит о том, что рязанские князья

были «к приезжим приветливы», «к посолником величавы», «ратным в бранях страшныи являшеся, многие враги востающи на них побежаше, и во всех странах славно имя имяше». В этих и во многих других местах «Похвалы» рязанские князья рассматриваются как представители Русской земли, и именно ее чести, славе, силе и независимости и воздает похвалу автор. Настроение скорби о былой независимости родины пронизывает собой всю «Похвалу роду рязанских князей». Таким образом, и здесь мы вновь встречаем то же сочетание славы и плача, которое мы отметили и в «Слове о полку Игореве». Это четвертое (включая и «Слово о полку Игореве») сочетание плача и славы окончательно убеждает нас в том, что оно отнюдь не случайно и в «Слове о полку Игореве», что оно было обычным в письменности, что это признак особого жанра.

Следовательно, «Слово о полку Игореве» не одиноко в своем сочетании плача и славы. Оно, во всяком случае, имеет своих преемников, если не предшественников. И вместе с тем на фоне похвалы Роману, «Похвалы роду рязанских князей», «Слова о погибели» «Слово о полку Игореве» глубоко оригинально. От всех трех произведений «Слово о полку Игореве» отличается глубиной идейного содержания. Оно насыщено дружинными понятиями, но основная идея «Слова» не дружинная. Автор «Слова о полку Игореве» сумел подняться над ограниченностью дружинной идеологии, сумел стать выразителем народных взглядов, народного отношения к прошлому и настоящему родины. Вместе с тем

и сочетание плача со славой во всех трех произведениях XIII века несколько иное, чем в «Слове о полку Игореве». Похвала Роману, «Похвала роду рязанских князей», «Слово о погибели» — это произведения в основном о славном прошлом родины, это славы ушедшему и плачи о настоящем. «Слово о полку Игореве» — это плач о настоящем и до известной степени слава будущему Руси.

В отличие от всех трех привлекаемых нами для сравнения произведений XIII века, «Слово о полку Игореве» хотя и скорбно в отдельных частях, но в сущности глубоко оптимистично. Оптимистично оно и заканчивается.

Громадное различие между «Словом о полку Игореве» и другими тремя произведениями состоит и в самой силе художественного воздействия на читателя, в самих размерах этих произведений. В «Слове» большее место занимает повествование, оно шире по кругу охватываемых событий и т. д. Однако, при всем глубоком различии, остается и нечто общее: они близки друг другу по жанру, по поэтическому настроению, по сочетанию эпического и лирического, по патриотичности тематики, обращенной ко всей Русской земле. Наконец, что самое главное, все четыре произведения объединяет то, что они являются по-настоящему литературными произведениями. Это произведения *художественного* творчества в собственном смысле этого слова. Их политическая, идейная сторона выражена прежде всего и больше всего в художественной форме. Они описывают и рассказывают нам о положении Руси «в живых примерах», и «примеры эти большею

частью создаются воображением самого писателя».[1]

Не будем огорчаться тем, что нам не удалось найти «Слову» прямых жанровых аналогий. Это еще не удалось никому. Даже те исследователи, которые категорически утверждают, что «Слово» — это «былина XII века»[2] или «светское ораторское произведение», не сумели указать ни одной точной аналогии для «Слова». Мы не знаем ни былин XII века, ни светских ораторских произведений домонгольской Руси. И «Слово» в этом отношении не исключение. Мы не можем найти прямых аналогий «Поучению» Владимира Мономаха или «Молению» Даниила Заточника. Оба эти произведения стоят в еще большей мере обособленно, чем «Слово». И эта обособленность понятна. Возможно, что очень много произведений тех же жанров до нас не дошло, и поэтому мы не можем дать определение их жанровой природе. Возможно же и другое — жанровые признаки оригинальных русских произведений еще не успели достаточно созреть.

Для «Слова о полку Игореве», несомненно, имеет значение и то и другое. Но главное, может быть,

---

[1] Н. Г. Чернышевский писал: «...произведения изящной словесности описывают и рассказывают нам в живых примерах, как чувствуют и как поступают люди в различных обстоятельствах, и примеры эти большею частью создаются воображением самого писателя» (сб. «Н. Г. Чернышевский об искусстве», М., изд-во Акад. художеств СССР, 1950, стр. 214).

[2] А. И. Никифоров. «Слово о полку Игореве» — былина XII века. Тезисы докторской диссертации. Изд. тип. «Ленинские курсы при ЦК ВКП(б)», 1941.

даже и не в этом. «Слово» — книжное, письменное произведение, очень сильно зависящее от устной поэзии. И в литературе и в устном творчестве существуют свои жанровые системы, отнюдь не похожие друг на друга. Поскольку в «Слове» письменное произведение вступило в связь с устной поэзией и произошло столкновение жанровых систем — жанровая природа «Слова» оказалась неопределенной. В «Слове о полку Игореве», как и в «Слове о погибели Русской земли», как и в «Похвале роду рязанских князей», как и в похвале Роману Галицкому, мы имеем еще не сложившийся окончательно, новый для русской литературы жанр, жанр нарождающийся, близкий к ораторским произведениям, с одной стороны, к плачам и славам народной поэзии — с другой.

ХАРАКТЕР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБОБЩЕНИЯ В «СЛОВЕ»

Основная особенность литературы — в создании образных обобщений, в выявлении типичного. Но средства художественного обобщения в древней русской литературе были еще очень ограниченными. Древнерусские литературные произведения (летописи, исторические повести, жития и др.) были в основном посвящены историческим единичным событиям. Действие древнерусских литературных произведений всегда происходило в точно определенной исторической обстановке, или, еще чаще, произведения древнерусской литературы рассказывали

непосредственно о самих исторических событиях, только что случившихся или давних. Главные герои древней русской литературы (в пределах до середины XVII века) — это деятели русской истории (князья Владимир Святославич, Владимир Мономах, Александр Невский, Борис и Глеб, Феодосий и Антоний Печерские и т. д.). Даже «жития русских святых» по преимуществу историчны. Фантастика, чудеса вводятся в древнерусские произведения только под знаком чего-то исторически верного, реально случившегося. Писатель и читатель были по большей части уверены в том, что все, о чем пишется в житии или в летописи, действительно произошло. Интерес древнерусского читателя был прикован к истории. Древнерусский читатель не интересовался бы произведением, если бы знал, что сюжет его вымышлен, а герои его никогда не существовали.

Этот своеобразный, средневековый историзм древнерусской литературы был соединен в ней с глубоким патриотизмом. Древнерусская литература в лучших своих произведениях стремилась к разрешению важных, насущных задач народной жизни и государственного строительства. Вместе с тем этот средневековый историзм ограничивал художественное обобщение древнерусского автора. Типизированных, обобщенно-вымышленных героев с вымышленными именами древнерусская литература не знает. Художественное обобщение в ней всегда опиралось на конкретные исторические имена, подавалось описание реально произошедших событий.

Свои художественные обобщения древнерусские авторы строили главным образом на основе конкретных исторических фактов. Расширение средств художественного обобщения происходило постепенно — в течение нескольких веков. Литература, по словам Чернышевского, далеко не сразу научилась рассказывать о том, «как всегда или обыкновенно бывает на свете», и создавать свои примеры «воображением самого писателя».

«Слово о полку Игореве» не выходит за пределы художественных возможностей своего времени, но эти возможности оно использует в полной мере, до предела. Оно создает обобщения, образы на основе разнообразного исторического материала и в ограниченной мере, но все же пользуется вымыслом.

Отметим прежде всего, что «Слово о полку Игореве» вводит фантастический элемент в характеристику действующих лиц своего повествования. Это по преимуществу относится к лицам, представляющим историческое прошлое Руси: к Бояну и Всеславу Полоцкому. Вымысел играет существенную роль в создании этих образов. При этом автор и не выдает своего вымысла за действительность. Описывая литературную манеру Бояна, растекавшегося мыслью по древу, серым волком по земле и сизым орлом под облаками, автор «Слова» вовсе не подозревает в Бояне действительной способности перевоплощаться в различных зверей, оборотничества. Он не считает также, что пальцы Бояна и в самом деле превращались в соколов, а струны в лебедей. Вымысел в «Слове» не выдается за правду. Он чисто литературный, условный.

Литературность вымысла как средства для создания образа выступает в полной мере и в ряде других случаев. Гиперболически описывая Ярослава Осмомысла, автор «Слова» вовсе не считает, что Ярослав и в самом деле метал тяжести через облака, стрелял с отчего золотого стола салтанов за землями и т. д. Это — образы, художественная условность которых была, конечно, понятна и автору и читателю.

Так же точно художественно условны гиперболы в обрисовке Всеволода, Владимира Святославича, Всеволода Суздальского и др. Думаю, что оборотничество Всеслава Полоцкого — такая же литературная условность, необходимая для создания яркого образа князя-вотчинника, как и оборотничество Бояна, необходимое для создания художественного образа искусного и вдохновенного певца-поэта. Всеслав сравнивается с лютым зверем, он волком рыскает ночью, перерыскивает путь великому Хорсу и т. д. Но все это не значит, что автор «Слова» действительно считал Всеслава волхвом, что он верил в его оборотничество. Автор «Слова» так же мало верил в способность Всеслава перевоплотиться в волка, как и в языческого бога Хорса, которому Всеслав якобы перерыскивал при этом путь, или в способность Бояна носиться серым волком и летать сизым орлом.

Автор «Слова» постоянно сравнивает героев своего произведения со зверями, но это не более как способ характеристики. Всеволод — «буй-тур», Игорь и его сыновья — соколы, Боян — сизый орел, серый волк, Всеслав Полоцкий — волк и «лютый зверь»,

(если только это не одно и то же) и т. д. Все эти сравнения определяют индивидуальные качества героев повествования.

Необходимо обратить внимание на то, что этот способ характеристики действующих лиц типичен именно для устного народного творчества. Сравнение людей с соколами, волками, турами, орлами, несомненно, носит народно-поэтический характер. Особенно ясно определяется народно-поэтический характер образа Всеслава Полоцкого. Всеслав Полоцкий издавна вошел в народное сознание как князь-кудесник. Так он запечатлен в «Повести временных лет», и так он отразился в былинном образе Волха Всеславьевича. Однако между народно-поэтическим образом волха Всеслава и образом его же в «Слове о полку Игореве» есть существенная разница. В былине Волх Всеславьевич действительно оборотень, способный превращаться в действительного волка. В «Слове» же — это только художественная условность. Следовательно, и в данном случае «Слово» пользуется для создания художественного обобщения народными верованиями, не веря им, придавая им только поэтическое значение, к чему в конечном счете шли и сами народные верования.

Еще один своеобразный прием художественного обобщения может быть отмечен в «Слове». Автору «Слова» надо было дать обобщение ольговичей и всеславичей, как двух групп князей-крамольников. Ограниченный в средствах художественного обобщения законами художественного творчества эпохи развитого феодализма — творчества, замкнутого в кругу исторических фактов весьма узкого ряда, ав-

тор «Слова» прибег к изображению *родоначальников* тех князей, обобщающую характеристику которых он собирался дать. Вот почему в «Слове» заняла такое большое место характеристика Олега Гориславича — родоначальника ольговичей и Всеслава Полоцкого — родоначальника полоцких всеславичей. Нельзя не видеть, что такая характеристика родоначальников князей, предложенная в качестве обобщающей характеристики их потомков, связана с очень сильным в русской политической жизни генеалогическим принципом. «Внук» того или иного князя считался естественным продолжателем его политики, наследником его притязаний, его «дедины». В русской междукняжеской политике боролись представители того или иного «гнезда», «племени»: всеславичи полоцкие с ярославичами, ольговичи с мономаховичами.

Новгородцы нередко приглашали к себе того или иного князя потому, что он был потомком любезного их сердцу князя, например Мстислава Удалого или Мономаха. Они соглашались принять сына по отцу, внука по деду. Так было и в других городах. Нет ничего удивительного в том, что «Слово» характеризует внуков по деду. Образ множества внуков воплощался в одном деде. Это был прием простой и понятный для современников, но вызывавший недоумение исследователей «Слова» XIX и XX веков, предполагавших в характеристике Всеслава Полоцкого случайную вставку «песни о Всеславе», а в характеристике Олега Гориславича обусловленность ее какими-то особыми симпатиями автора «Слова» к черниговским ольговичам.

В обобщающей характеристике ольговичей через Олега «Гориславича» и в обобщающей характеристике полоцких всеславичей через Всеслава Полоцкого автор «Слова» претворил в художественный прием, в средство художественного обобщения принцип, развившийся еще в политической жизни.

Факт этот очень характерен для «Слова о полку Игореве», как для произведения, стоящего в начале литературного развития Руси. В художественных образах еще чувствуется связь с терминами, с символикой феодальной, военной и пр. Художественное обобщение еще только рождалось, и в нем еще чувствуется связь с обобщениями не художественного порядка.

«Слово о полку Игореве» — первое из дошедших до нас произведений, которое может быть названо в собственном смысле литературным. Это произведение *художественное* и в его целом и в частях. Мы не знаем только: было ли «Слово» действительно *первым* произведением этого рода или оно использовало уже поэтическую систему, созданную его несохранившимися предшественниками.

«СЛОВО» И НАРОДНАЯ ПОЭЗИЯ

Мы уже отмечали выше близость «Слова» к двум жанрам народной поэзии — славам и плачам. Близость эта, однако, не ограничивается жанровыми аналогиями.

Конечно, «Слово о полку Игореве» — отнюдь не произведение устной народной поэзии, но оно очень

близко к ней по своей идейной сущности и стилистическому строю.

«Слово» насыщено образами народной поэзии: тут и деревья, приклоняющиеся до земли от горя, тут и никнущая от жалости трава, и сравнения битвы с пиром, с жатвой. Близка к народным плачам лирическая песнь Ярославны. В плачах постоянны те же обращения к ветру, к реке, к солнцу, которые имеются и в песне Ярославны. Народен сон Святослава, полный устнопоэтических символов. Сказочно описание бегства Игоря; в сказках нередко герой, спасающийся от колдуна, превращается в животных. Подобно Игорю, обернувшемуся соколом и бившему гусей и лебедей к завтраку, обеду и ужину — в былине о Волхе Всеславьевиче. Волх, обернувшись соколом, бьет гусей и лебедей для дружины. Воспитание курских дружинников Всеволода буй-тура напоминает воспитание того же Волха Всеславьевича. Даже языческие боги, упоминаемые в «Слове», воспринимаются как образы народной поэзии. Народен и образ «девы Обиды», встречающийся и в записях устной поэзии XIX века.

Народного богатыря напоминает Всеволод буй-тур, когда он прыщет на врагов стрелами, гремит об их шлемы мечами харалужными. Подобно Илье Муромцу, Всеволод буй-тур сражается с врагами и куда поскачет, там лежат поганые головы половецкие.

Богатыря напоминает и Ярослав Осмомысл «Слова о полку Игореве», когда он бросает тяжести за облака.

Встречаются в «Слове» и другие признаки его тесной связи с народной поэзией. Народная стихия в «Слове» выражается в отрицательных метафорах («Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ»), в некоторых чисто фольклорных эпитетах (чистое поле, серые волки, острые мечи, синее море, каленые стрелы, борзые кони, черный ворон, красные девы и др.), в характерных для народной поэзии образах (особенно многочисленных в плаче Ярославны и в сне Святослава Киевского), в аллитерациях, в отдельных гиперболах, сравнениях и т. д.

Однако с народной поэзией связывают автора «Слова о полку Игореве» не только художественные вкусы, но и мировоззрение, политические взгляды. Поэтому нельзя говорить о механическом влиянии на автора «Слова» русской народной поэзии. Автор «Слова» творит в формах народной поэзии потому, что сам он близок к народу, стоит на народной точке зрения.

Народные образы «Слова» тесно связаны с его народными же идеями. Художественная сторона и идейная неотделимы в «Слове» друг от друга. Вот, например, обычное в «Слове» сравнение битвы с жатвой: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука»; «тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие»; «чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна: тугою взыдоша по Руской земли»; «на Немизѣ снопы стелютъ

головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла». Эти сравнения были очень часты в устной народной поэзии. Они обильно встречаются и позднее — в записях русских, украинских и белорусских песен, сделанных в XVIII, XIX и XX веках:

Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью.
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами.
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками.
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами.
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Или:

Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засеяно поле не всхожими семенами,
Засеяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.

Или:

Чорна роля ⟨пашня⟩ заорана,
Кулями засіяна,
Білим тілом зволочена,
Кровью сполощена.

Замечательно, однако, что это сравнение поля битвы с пашней в «Слове» и в народной поэзии имеет глубокий идейный смысл. Это даже и не сравнение, а противопоставление. В «Слове» и в народной поэзии противопоставляются война мирному труду, разрушение — созиданию, смерть — жизни (по-древнерусски «жизнь» не только «существование», но

и богатство, плоды земледельческого труда — «жито»).

Это противопоставление мира войне пронизывает и другие части «Слова». Автор «Слова» обращается к народному образу пира — апофеоза мирного труда: «Ту кроваваго вина не доста; ту пир докончажа храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую». С поразительной конкретностью противопоставляя русских их врагам, он называет последних сватами: Игорь Святославич действительно приходился сватом Кончаку (дочь Кончака была помолвлена за сына Игоря — Владимира). Отсюда следует, что образ пира-битвы не просто заимствован из народной поэзии, где он обычен, а умело осмыслен применительно к данному конкретному случаю. Той же цели противопоставления мира войне служат и женские образы «Слова о полку Игореве» — Ярославна и «красная Глебовна».

Перед нами, следовательно, целая политическая концепция автора «Слова о полку Игореве», в которую, как часть в целое, входят традиционные образы устной народной поэзии: «битва — молотьба», «битва — пир» и т. д.

Связь с народной поэзией ясно ощущается в «Слове» и в изображении людей. Автор «Слова» гиперболизирует своих героев. Эта гиперболизация — один из способов художественного обобщения, типичный и для устного эпоса. Подобно тому как в былинах богатырь соединяет в себе все свойства русского войска, русской дружины или русского крестьянства — в «Слове» на положительных ге-

роев-князей переносятся характеристика и подвиги его дружины. Перед нами в «Слове» начальная стадия того процесса, который в эпосе в более позднее время привел в конце концов к тому, что русское войско оказалось поглощено в собирательном образе богатыря, стало отсутствовать в былинах (в былинах XVII—XX веков действует уже один богатырь без войска).

Так, например, Всеволод буй-тур прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными: шлемы оварские «поскепаны» его калеными саблями. О мечах и саблях говорится во множественном числе. Конечно, стрелы, мечи и сабли — не личные Всеволода. Автор «Слова» говорит здесь о том, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и саблями.

Подобно тому как Илья Муромец

Куда махнет — туда улица,
Куда перемахнет — туда переулок,

так и Всеволод буй-тур — «камо туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкыя». Но различие между былиной и «Словом» в том, что в «Слове» еще сохраняется сознание того, что Всеволод действует не сам, а с помощью своей дружины; в былине же Илья действует один. Образ богатыря успел уже соединить в себе все качества его дружины.

То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы в «Слове» и в других случаях. Святослав Киевский «притрепалъ» коварство половцев «своими сильными плъкы и харалужными мечи»;

Всеволод Суздальский может «Донъ шеломы выльяти», — конечно, не своим одним шлемом, а многими шлемами своей дружины. Также и Ярослав Осмомысл заступает королю путь своим войском, а не сам. Дружина еще присутствует в «Слове», но она уже служит фоном для главного героя — князя. Как на старинных иконах и миниатюрах: герой велик в своих размерах, и он изображен на первом плане, дружина же изображена некрупно, очень условно и на втором плане.

Мы уже сказали выше, что эта связь автора «Слова» с народной поэзией не была случайной. Он занимал независимую патриотическую позицию, по духу своему отвечавшую интересам широких слоев трудового населения Руси. Его произведение — горячий призыв к единству Руси перед лицом внешней опасности, призыв к защите созидательного труда русского населения. Вот почему и его художественная система тесно связана с русским народным творчеством.

Тем не менее «Слово о полку Игореве» — произведение письменное, а не устное. Как бы ни были в нем сильны элементы устной речи и народной поэзии, «Слово» все же писалось, и писалось как литературное произведение. «Слово» — не запись устно произнесенной речи или спетой исторической песни. «Слово» было с самого начала написано его автором, хотя автор и «слышал» все то, что он писал, проверял на слух его ритм, звучание.

Письменное происхождение «Слова» сказывается прежде всего в смешении различных приемов устного народного творчества. В «Слове» можно найти

близость и к устной причети, и к былинам, и к славам, которые пелись князьям, и к лирической народной песне. Такого смешения фольклор не знает. Жанры в фольклоре строго разграничены. Лирическая песнь никогда не вставляется в былину; в причети не может оказаться кусок исторической песни. Не знает фольклор и того сложного построения, каким отличается «Слово». В особенности противоречат фольклору постоянные и типичные для «Слова» обращения от современности к прошлому. Наконец, в «Слове» имеются и отдельные книжные выражения: «растѣкашется мыслию по древу», «скача, славию, по мыслену древу», «истягну умь крѣпостию своею», «свивая славы оба пола сего времени, рища въ тропу Трояню», «спалъ князю умь похоти» и некоторые другие. Замечательно, однако, что все немногие сложные и искусственные книжные обороты встречаются по преимуществу в начале «Слова». Из всех частей «Слова» его первая часть — там, где автор колеблется в выборе своей манеры, — ближе всего стоит к книжной традиции, хотя и не подчинена ей целиком. С развитием действия автор «Слова» отбрасывает все эти отдельные искусственные элементы книжной речи и пишет так, как говорит: горячо, страстно, проникаясь единственным стремлением убедить, взволновать, возбудить в своих читателях патриотические чувства. Автор как бы стремится освободиться от этих книжных, искусственных оборотов. Перед нами, таким образом, не следование традициям книжности, а отход от этих традиций, отход, который совершается в «Слове» тут же — как бы на глазах у читателей, по мере

того как голос автора крепнет в его обращении к своим современникам. Вторая часть «Слова» почти лишена элементов книжности.

Как бы ни была сложна художественная структура «Слова», как бы ни было тесно связано «Слово» с самыми разнообразными формами народной поэзии, с самыми разнообразными стихиями устной речи (с лексикой феодальной, военной, правовой, сельскохозяйственной и т. д.), поэтическая система «Слова» отличается строгим единством. Это единство обусловлено тем, что вся терминология, все формулы, все символы и привычные образы подверглись в «Слове» поэтической переработке, все они конкретизированы, образная сущность их подчеркнута, все они в своей основе связаны с русской действительностью XII века, и все они в той или иной мере *подчинены идейному содержанию произведения.*

«СЛОВО» И ФЕОДАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА ЕГО ВРЕМЕНИ

Система художественных образов «Слова» зависит от образности обыденной, деловой русской речи XII века. Автор «Слова» использует образы, которые уже существовали в феодальном быту, в лексике военной, в народной речи и в народной поэзии. Художественное творчество автора «Слова» состоит во вскрытии того образного начала, которое заложено в устной речи, в специальной лексике, в символике феодальных отношений, в действи-

тельности, в общественной жизни и в подчинении этого образного начала определенному идейному замыслу. Автор «Слова» отражает жизнь в образах, взятых из этой самой жизни. Он пользуется той системой образов, которая заложена в самой общественной жизни и отразилась в речи устной, в лексике феодальной, военной, земледельческой, в символическом значении самих предметов, а не только слов, их обозначавших. Привычные образы получают в «Слове» новое звучание. Этот по-новому использованный знакомый уже читателю образ получает особенную убедительность. Русский читатель узнаёт в нем свое, близкое ему, выношенное своим собственным жизненным опытом. Образ, заложенный в «термине», автор «Слова» превращает в поэтический, подчиняя его идейной структуре всего своего произведения в целом. И в этом последнем преимущественно и проявляется его гениальное творчество.

Это рождение идейно насыщенного поэтического образа из образа, имевшегося уже в обыденной речи, может быть особенно ясно показано на одном примере. Автор «Слова» пишет, что после поражения на Каяле «въстала обида въ силахъ Даждьбожа внука ⟨в русских войсках⟩, вступила дѣвою на землю Трояню ⟨на Русскую землю⟩, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону; плещучи, упуди жирня времена ⟨прогнала времена обилия⟩». Слово «обида» в значении нарушений феодальных прав, прав князя, княжества или всей Русской земли было одним из самых

распространенных выражений в феодальном быту своего времени. В «Слове о полку Игореве» «обида» имеет не столько значение нарушения феодальных прав», сколько более распространенное в народной лексике значение «горя», но выражение «встала обида» — типично феодальное, это термин, означающий возникновение раздора, феодальной войны, и вот из конкретного, зрительного восприятия этого образа в «Слове» рождается художественный образ. Он рождается на глазах у читателя, последовательно становясь все более и более конкретным. Обида «встает» в силах Даждьбожа внука, то есть в русских войсках, и читатель еще колеблется — признать ли это выражение «встала обида» за обычный феодальный термин или за конкретный образ, но уже следующие затем слова облекают эту «обиду» в облик девы — «вступила дѣвою на землю Трояню». Наконец, образ девы Обиды становится еще более конкретным — у девы Обиды оказываются лебединые крылья, которыми она прогоняет с Руси времена обилия.

Так из обычной феодальной лексики рождается зрительно наглядный образ, но и самый этот образ глубоко народен — в ином значении, в ином идейном контексте, но сходном по своему внутреннему, эмоциональному содержанию, он встречается и в устной народной поэзии:

Знать, Судинушка по бережку ходила,
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани Судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась.

Или:

Эта белая лебедушка
Поднималася от синя моря
На своих на крыльях лебединых,
Садилася она на черлен корабль,
Обернулась красной девицей.

Такое же раскрытие художественной сущности обыденных феодальных терминов видим мы и в обращении к Всеволоду Суздальскому: «Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти!» Этими словами автор определяет многочисленность и силу войска Всеволода, но их значение станет для нас понятным до конца, когда мы примем во внимание военную символику того времени: выпить шлемом воды из реки, напоить коней водой из реки было символом победы над страной по этой реке. Всеволод, следовательно, настолько силен, что он может не только выпить воды из Дона (то есть победить половцев по Дону) и из Волги (то есть победить волжских болгар), но он может иссушить эти реки. Этот древнерусский символ победы неоднократно в образной форме использован в «Слове». Святослав Киевский в своем походе 1184 года одержал победу над половцами в Половецкой степи — «взмути рѣкы и озеры, иссуши потоки и болота»; половцы подошли к Переяславлю Русскому, и «уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю»; литовцы одержали победу над Полоцком, и «Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ». Игорь, призывая свою дружину выступить в поход на половцев, говорит им: «Съ вами,

русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Неоднократно говорится в «Слове» о мечах, о стягах, о копьях, и каждый раз во всей их сложной феодальной символике. Меч в древней Руси был символом войны, символом княжеской власти, символом чести. Олег мечом крамолу ковал — злоупотреблял своей княжеской властью; хинова, литва, ятвяги, деремела и половцы подклонили головы свои под харалужные мечи Романа и Мстислава — признали себя побежденными.

Стягами в древней Руси подавали знаки войску. Поднятый стяг служил символом победы, поверженный стяг — поражения. Автор «Слова» так призывает обе враждующие стороны — русских князей ярославичей и русских князей потомков Всеслава Полоцкого — признать свое поражение в междоусобной войне: «Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени».

В этом использовании феодальной символики, в умении показать ее поэтический блеск и значительность и состоит один из элементов особой доходчивости художественной формы «Слова».

В древней русской литературе нет стремления к изобретению все новых и новых художественных средств и художественных образов. В ней есть особая «стыдливость». Авторы часто прибегают к традиционным образам и средствам. «Слово» не составляло в этом отношении исключения, но пользовалось оно не только традиционными литературными и фольклорными художественными средствами,

но и традиционной феодальной символикой, символикой бытовой, перешедшей отчасти в терминологию, в обычную устную речь.

«СЛОВО» И ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО

«Слово о полку Игореве» — произведение очень небольшое, но по этому небольшому произведению мы можем судить об огромном богатстве и даже роскоши языка его автора. Автор «Слова» очень точно и метко подбирает слова и выражения. Соловьиное пение не прекратилось — оно «уснуло»; синие молнии не просто блестят — они «трепещут»; трава не просто полегла — она «никнет» («ничить»). Солнце «меркнет», багряные снопы лучей и вечерние зори «гаснут», месяц «поволакивается тьмою», наступающая ночь «прикрывает свет тьмою» и т. д. Ветер не просто помогает плыть кораблям — он их «лелеет на синем море», и Ярославна просит ветер, чтобы он «возлелеял» к ней ее милого мужа, то есть, «лелеючи», помог ему доплыть до Русской земли. Это выражение очень уместно в устах любящей Ярославны, оно как бы исходит из ее тоскующего сердца. Персты не просто кладут на струны — их «воскладают», и струны «рокочут» славу. Славу можно «расшибить» и «притрепать». Тоска «разливается». Печаль «течет» посреди Русской земли. Веселье «развеивается по ковылю».

Автор «Слова» очень скуп на эпитеты, но зато употребленные им — поразительно метки. Сравните,

например, такие эпитеты: «жемчужная» душа, «теплые» туманы («мглы»), «живые» струны. Первый эпитет выбран автором не случайно — он связан со всем повествованием о князе Изяславе Васильковиче. Этот князь в одиночестве на поле битвы, умирая он ран, «изронил» свою «жемчужную» душу через золотое ожерелье (то есть через расшитый золотом ворот своей княжеской одежды). Перед нами очень сложный образ, в который эпитет «жемчужная» (о душе Изяслава Васильковича) входит как часть в целое. Эпитет «теплый» (о туманах) наблюдательно передает существенную деталь в бегстве Игоря: туманные ночи теплее ясных, и Донец во время ночлегов Игоря как бы одевал его теплыми туманами, берег его. Струны Бояна «живые» — этим подчеркивается искусство игры Бояна. Эпитет этот согласуется с тем, что о них говорится дальше: они «сами» рокочут славу. Искусная игра всегда производит впечатление полной непосредственности, инструмент как бы оживает в руках мастера.

Богато и разнообразно слуховое восприятие автора «Слова». Струны у него «рокочут». Голоса девиц на Дунае не просто доносятся до Киева, они «вьются». Телеги у него не скрипят, а «крычатъ» как лебеди. Кликом можно даже «перегородить» поля. Слава «звенит», и в славу «звонят». Разнообразны звериные и птичьи звуки: соловьи «щекочут», их песни «веселые», орлы «клекочут», волки «въсрожатъ», галки «говорят», див «кличет», вороны «грают», сороки «втроскоташа», дятлы «тек-

том» поведают путь Игорю, ночью встает звериный «свист» (свист сусликов) и т. д.

Зрительная четкость образов «Слова» поразительна. Автор «Слова» обладал повышенным чувством цвета, типичным для эпохи подъема древнерусской живописи. Трава у него — это «зеленая паполома». На «черленые» щиты у него «брешут» лисицы: их раздражает красный цвет. Золотой шлем Всеволода «посвечивает» в битве. Отдельные сцены автор «Слова» видит в красках. Среди добычи — всякого половецкого «узорочья»: золота, поволок, драгих оксамитов, япончиц и кожухов — Игорю достались «*чрьленъ* стягъ, *бѣла* хорюговь», «*чрьлена* чолка, *сребрено* стружие». Надвигающаяся гроза перед битвой описана не менее яркими красками: «*Кровавыя* зори свѣтъ повѣдаютъ; *чръныя* тучя съ моря идутъ... а в нихъ трепещуть *синии* млънии». Поражение Игоря связано с образами надвигающейся тьмы: два солнца померкли, погасли два багряные столпа, и два молодых месяца, «поволочившись» тьмою, погрузились в море, «на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла». Зрительно эффектны образы плавающих в *красной* крови *золотых* шлемов, *зеленой* травы на *серебряных* берегах Донца, *жемчужной* души, изроненной через *золотое* ожерелье, *черной* земли, политой *красной* кровью.

Зрительные образы «Слова о полку Игореве» типичны для средневековья. Многие из них напоминают изображение на иконах или на миниатюрах, где представлены по преимуществу церемониальные положения, торжественные ситуации. Ярослав Осмомысл сидит высоко на своем злато-

кованом престоле и занят княжеским делом: судит, управляет войском и княжеством. Всеволоду Суздальскому автор «Слова» предлагает прилететь на свою отчину (ср. изображение летящего на грифах Александра Македонского в Успенском и Дмитриевском соборах Всеволода Суздальского во Владимире). Князья — Рюрик и Давыд, Ингварь и Всеволод и «все три Мстиславича», Роман и Мстислав, Ярослав Всеволодович Черниговский — постоянно изображаются со своей дружиной, о вооружении которой непременно говорится. В церемониальных положениях изображается Игорь Святославич: он вступает в стремя, ведет войска к Дону, сидит в золотом кресле, а затем в седле кощеевом, торжественно возвращается в Киев. Его брат Всеволод изображен в битве посвечивающим своим золотым шлемом и поражающим врагов. Враг изображается поверженным перед престолом победителя: Кобяк пал в гриднице Святослава. Побежденные преклоняют головы, вкладывают в ножны поврежденные мечи, склоняют стяги, бросают оружие. Совсем как на миниатюре Радзивилловской летописи изображены окружающие Русь народы — немцы и венецианцы, греки и моравы: они поют славу Святославу и оплакивают князя Игоря. Пение славы и плач по убитым или попавшим в плен — это тоже своеобразные церемониальные положения, в которых изображали обычно людей древнерусские художники. Славу поют въезжающему в Киев Игорю. Ярославна плачет по Игорю на городской стене. Славу поют русские девицы на Дунае и готские красные девы на Черном море. Плачут жены рус-

ских воинов. Плачут русские города. В своеобразных церемониальных положениях изображается даже природа: приклоняются в печали трава и деревья (ср. склонившееся дерево на иконе «Троицы» Рублева). Все это зрительные образы, родственные изобразительному искусству, и, что особенно важно, — изобразительному искусству *средневековому*, стремящемуся изображать мир как бы «позирующим» зрителю только в строго определенные, церемониальные моменты, когда он больше всего отражает свою «извечную» сущность.

Поразительна совершенно средневековая любовь к оружию. Оружейная терминология «Слова» очень богата. Сабли в «Слове» «гремлют» о шлемы, ими можно «поскепать» оварские шлемы и «потручать» о шлемы. Сабли «припешивают» крылья соколам, они ранят. Сабли каленые и изостренные. Мечи «цвелят» Половецкую землю, ими «гремят» и «позванивают» о шлемы, «притрепывают» врагов. Копья «трещат» и «приламываются», «поют» в полете. Стружием можно «доткнутися» до престола. Стрелы бывают «каленые», «острые» и «золоченые». Они «летят». Ими «прыщут» и «сеют» по земле. Ветры «веют» и «мычат» стрелами. Автор «Слова» обращает внимание на то, где сделано оружие. Мечи у него литовские, сулицы (короткие копья) ляцкие, шлемы литовские и оварские, стрелы «хиновские». Он обращает особое внимание на закалку мечей, сабель и наконечников стрел («каленые», «харалужные»). Скупой на сравнения, автор «Слова» часто тем не менее прибегает к сравнениям с оружием: дождь идет «стрелами»,

«стрелами» же «рассушясь» по полю русские. Сердца воинов скованы и закалены, крамола куется.

Сродни этим военным образам — образы, заимствованные из охотничьего быта.

ПРИРОДА В «СЛОВЕ»

Древнерусские авторы не стремятся писать картины природы, описывать ее статические состояния, спокойные пейзажи. Древнерусские авторы уделяют природе немного внимания и только тогда, когда она теснейшим образом связана с судьбою действующих лиц повествования, когда она оказывает на них влияние, когда она проявляется в действии: в грозе, в буре, в разливах рек, в засухе, в затмениях солнца, в явлениях комет, в темноте ночи, мешающей сражающимся, в жаре, истомляющей воинов, и т. д. и т. п. В древнерусских произведениях нет описаний бездействующей природы, служащей только фоном для повествования. В тех немногих случаях, когда природа присутствует в древнерусских произведениях, она играет в них прямую, а не косвенную роль, она «событийна», описываются только ее изменения, ее влияние на человека, она включена в самый ход повествования, в развитие сюжета. Средневековые русские писатели как бы еще не осознают самостоятельной ценности картинных описаний природы для литературы.

Хотя природа занимает исключительно большое место в «Слове о полку Игореве», но роль ее,

по существу, та же. В «Слове» нет пейзажа самого по себе. Природа воспринимается автором «Слова» только в ее изменениях. Природа в «Слове» введена в события. Она участвует в них, то замедляя, то ускоряя их ход. Она активна и в этой своей активности наделяется почти человеческими качествами. Она сочувствует русским, стремится предупредить их об опасности, помогает Игорю в его бегстве из плена; у нее ищет сочувствия и помощи Ярославна. Когда Игорь двинулся в свой несчастный поход, свет солнца померк; ночь, «стонущая грозою», стремится остановить Игоря на его гибельном пути. Даже степные звери и птицы предчувствуют поражение русских. Вместе с половцами надвигаются от моря на войско Игоря синие тучи. Битва с половцами переносится и в природу, приобретает черты борьбы силы зла с силой добра во всей природе. Трава и деревья отзываются на поражение русских: трава никнет, деревья от горя приклоняются до земли или роняют листву. Автор «Слова» отмечает те изменения в природе, которые вызываются в ней ходом человеческой истории. Междоусобные войны Олега приводят к запустению пашен. В судьбах русского народа принимают участие и реки, то зовущие князя Игоря на победу, то сочувствующие и помогающие ему, то «затворяющие» в своих струях юношу князя Ростислава.

Между природой и человеком стираются границы. Образ Обиды — девы с лебедиными крыльями, образы языческих богов стоят где-то между природой и людьми. Люди постоянно сравниваются и с птицами и со зверями: с турами, соколами,

галками, вóронами, «лютым зверем», кукушкой, и т. д. и т. п. Игорь вступает в разговор с Донцом и получает от него помощь. Ярославна ищет сочувствия и помощи у ветра, солнца и Днепра.

Трудно назвать другое какое-либо произведение, в котором события жизни людей и изменения в природе были бы так тесно слиты. И это слияние, единство людей и природы, усиливает значительность происходящего, усиливает драматизм. Все события русской истории получают резонанс в русской природе и тем самым оказываются удесятеренными в силе своего звучания.

Союз природы и человека, с такою силою развернутый в «Слове», — союз поэтический. Природа для автора «Слова» — гигантский резервуар поэтических средств и своеобразное «музыкальное сопровождение», придающее особенно сильное поэтическое звучание его действию.

Есть еще одна черта в «Слове», очень типичная для древнерусских описаний природы. Эта черта столь же характерна и для западноевропейских средневековых пейзажей — в литературе и в живописи: широкий круг вйдения. Средневековый миниатюрист способен изобразить на небольшом листе город или даже два города, пустыню со зверями, битву с обоими сражающимися войсками и т. д.

Древнерусские писатели говорят о природе в больших масштабах. Владимир Мономах говорит о том, что весной птицы летят из рая и расселяются по

всей земле. Кирилл Туровский в «Слове на вторую неделю по Пасхе» описывает весну во всей природе, летописцы пишут о засухе во всей стране, о титанических явлениях природы: о затмении солнца, кометах, землетрясениях и т. п.

В «Слове» природа рисуется в столь же обширной перспективе. В действие «Слова» введены огромные географические пространства.

Половецкая степь («страна незнаема»), «синее море», Дон, Волга, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Рось, Сула, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др. — вся Русская земля находится в поле зрения автора, введена в круг его повествования. При этом автор «Слова» не выключает Русскую землю из состава окружающих ее народов, заставляя прислушиваться к происходящим в ней событиям немцев и венецианцев, греков и моравов, а половцев, литву, ятвягов и деремелу (литовские племена) быть непосредственно втянутыми в ход русской истории.

Автор «Слова» видит Русь как бы с идеальной высоты. Огромность Русской земли подчеркивается им одновременностью действия в разных ее частях: «Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чрезъ море до Киева». Одновременно с походом Игорева войска двигаются к Дону половцы «неготовами дорогами», скрипят их немазаные телеги.

Подобно тому как в древнерусских миниатюрах чем шире кругозор миниатюриста, тем условнее изображение — в «Слове» широкие пространства

действия условно объединяются гиперболической быстротой передвижения героев. Их быстрота сказочна и фантастична. Всеслав доткнулся копием до золотого престола киевского, отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синей ночной мгле, наутро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал, до петухов, Тмуторокани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

Чем шире пространства, тем больше могущество героев «Слова», приобретающее гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам Киевским, Галицкий Ярослав подпер горы угорские своими железными полками.

Размеры битвы русских с половцами охватывают всю степь — благодаря слиянию природы с действиями людей: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут... быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого... Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря широкая печаль течет по Руси.

Не менее широки образы плача Ярославны. Ярославна в плаче обращается к ветру, веющему

под облаками, лелеющему корабли на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы насады до Кобякова стана, к солнцу, которое всем тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

Автор «Слова», как средневековый миниатюрист или иконописец, наблюдает Русскую землю с огромной высоты. Его широкое ви́дение очень типично для средневековья.

В привлечении русской природы как действующего лица своего повествования автор «Слова» проявил себя как исключительно наблюдательный знаток природы. Вот почему в самой русской природе можно найти довольно точный комментарий ко многим неясным и темным местам «Слова». Приведу некоторые толкования отдельных мест «Слова», предложенные советскими природоведами.

«Внимательный наблюдатель природы, — пишет проф. Н. В. Шарлемань, — автор «Слова» с изумительной точностью передает своеобразный характер звуков, издаваемых животными-зверями и птицами. Лебедь у него «пояше» или, будучи вспугнутым, «крычит»; соловей «ущекотал», его пение — «щекот»; орлы «клектом зовут», дятлы «тектом путь кажут»; вороны «граяхуть»; галки «говоряхуть», их крик — «говор»; зегзица «кычет»; сороки

«троскоташа»; кони «ржуть»; степные зверьки, байбаки и суслики, издают свист; лисицы брешут; туры «рыкают».[1] Точность наблюдения природы и богатство языка здесь неразрывны. Жизненный опыт автора «Слова» непосредственно связан с его искусством художника.

В этой же своей работе Н. В. Шарлемань дает интересные объяснения отдельных мест «Слова».

Когда Игорь ведет свои войска к Дону навстречу гибельной для него опасности, автор «Слова» замечает: «Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию», то есть беда (будущее поражение Игоря) собирает вокруг него птиц по дубам. Действительно, хищные птицы летели за войском Игоря, поджидая добычу. Войско Игоря двигалось медленнее птиц, которые останавливались на отдых в дубравах невдалеке от войска.

Знание повадок соколов сказывается и в следующих словах Святослава: «Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду». «Выражение «въ мытехъ» и до настоящего времени сохранилось кое-где среди охотников, — пишет Н. В. Шарлемань. — Этим термином обозначают линьку, главным образом тот период, когда молодая птица надевает оперение взрослой птицы, то есть достигает половой зрелости. Птицеводам хорошо известно, с какой отвагой про-

---

[1] Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI. М., изд-во АН СССР, 1948, стр. 123.

гоняет сокол от своего гнезда даже значительно более сильного, чем он сам, орла-беркута».[1]

Целую драматическую картину рисует и выражение автора «Слова» — «дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ»: хищные птицы (орлан-белохвост, гриф), садясь на трупы убитых, как бы «приодевают» их своими распущенными мощными крыльями с тем, чтобы не допустить к своей добыче других хищников.

О точности и правдивости образов «Слова» свидетельствует и определение берегов Донца как «серебряных». Действительно, Донец несет в своих водах много взмученного мела (он прорезывает на своем пути меловые горы Артема). Летом, когда берега Донца обмелевают, отложения этого мела на отмелях и косах блестят как серебряные.

Наблюдательность автора «Слова» особенно ярко проявляется в описании бегства Игоря из плена. Игорь хвалит Донец за то, что тот сторожил его «гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ». Действительно, Игорю приходилось бежать главным образом ночью, а днем скрываться в густых зарослях степных рек. О погоне его предупреждали чуткие к приближению человека гоголи, чайки и черняди. По их поведению Игорь мог судить о том, все ли кругом спокойно.

Знание степной природы сказывается и там, где автор «Слова» говорит, что дятлы тектом указыва-

---

[1] Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». — Труды Отдела древнерусской литературы, т. VI. М., изд-во АН СССР, 1948, стр. 112.

ли Игорю путь к реке. Степную реку, запрятавшуюся в глубокой долине, издали не видно, не видно и деревьев, растущих в степи только по берегам рек, но на присутствие деревьев, а следовательно и реки, Игорю указывал далеко слышный в степи «тект» дятлов.

Можно было бы значительно увеличить количество примеров, доказывающих глубокое знание автором «Слова» степной природы. Автор «Слова» не дал нам законченного описания степной природы, но он рассеял в своем произведении такое количество отдельных наблюдений, что они легко могут быть сложены в единую, цельную картину. Вот как описывает половецкую степь на основании «Слова» акад. А. С. Орлов: «Степь эта представляла собой равнину, усеянную то «яругами» (оврагами), то «шеломеньми» (холмами, курганами, природными и насыпными) и поднятую кое-где ответвлением горных кряжей. Через степь неслись из Руси «на полъдне» великие реки и вливались своими «жерелы» (устьями) в «синее море», пересекши «поля широкая» и пробив «каменные горы». Были в степи и болота, «грязивые места», и поле «безводное». Черноземная степь весною покрывалась травами и цветами, седым ковылем, по которому развеялась радость Ярославны, и душистой полынью, запахом которой половецкий хан манил вернуться на родину своего брата, бежавшего на Кавказ от грозы Владимира Мономаха. Эти травы питали скот кочевников, «кони, овьце и вельблуды», их топтали и волновали («въшумѣ трава») «вежи», «телегы» половецкие, которые скрипели, «кричали»,

как «лебеди распужени». Степные травы то мирно покрывались «студеной росою», которую стряхивал («трусил») волк на бегу, то поливались кровью и посыпались прахом боевых столкновений когда обнажалась «чръна земля под копыты». Пересекалась степь проторенными искони караванными «путями», о которых упоминал в 1170 году Мстислав Изяславич Киевский, жалуясь на половцев, что они «уже у нас и Гречьский путь изъотимають, и Соляный и Залозный». Движение шло и «неготовами дорогами». Степные «поля широкая» с лесистыми яругами и реки, текшие в «серебренех брезех» под сенью «зелену древу», окруженные «лугами» и заросшие «тростием» (тростником, камышом), были полны зверями и птицами, от большинства которых, как насельников степи, сохранились одни названия или глухие упоминания».[1]

Живая картина старой половецкой степи, донесенная до нас в составе «Слова», — яркое свидетельство, что «Слово» составлено ее очевидцем — может быть, участником степного пути Игоря.

«СЛОВО» И ДРЕВНЕРУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

В «Слове» несколько раз упоминаются языческие боги: Велес, Даждьбог, Стрибог, Хорс. Вместе с тем «Слово» явно написано поэтом-христианином: Игорь по своем возвращении из плена едет

[1] А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», М. — Л., изд-во АН СССР, 1946, стр. 13—14.

к церкви Богородицы Пирогощей. Как же совмещаются в авторе «Слова» язычество и христианство? Это совмещение очень типично для древней Руси. Его принято называть двоеверием.

Что такое это двоеверие? Простое соединение «двух вер» вряд ли вообще возможно, тем более что христианство в XII веке, как и в последующие века, активно боролось с языческой религией, с ее остатками в народе. Элементы язычества начали приходить в соединение с христианскими верованиями только тогда, когда они перестали осознаваться в народе как противостоящие христианству. Язычество как *система* верований, притом враждебная христианству, должно было исчезнуть прежде, чем могло появиться двоеверие. Это исчезновение язычества как системы верований могло совершиться только спустя известное время после победы христианства: не ранее конца XI—начала XII века.

Просматривая церковные обличения язычества с XII по XVII век, мы заметим, что в них осуждается не вера в языческих богов, а исполнение языческих *обрядов*. А это далеко не одно и то же. Языческий обряд не только в XII веке, но и гораздо позже продолжает жить в народе независимо от самого язычества: он приобретает игровую, развлекательную и эстетическую функцию; обрядовая песнь становится фактом эстетического сознания в большей степени, чем религиозного. Именно этим переключениям языческого обряда в сферу народной эстетики и малоосознанного суеверия и объясняется, с одной стороны, его живучесть (в отдельных случаях вплоть до XX века), а с другой —

легкость, с которой он вступает в связь с обрядовой стороной христианской религии. Такое переключение языческой обрядности не могло совершаться в конце X — начале XI века, когда связь между языческим обрядом и языческой религией как религией, противостоящей христианству, ощущалась еще слишком сильно. Оно стало реальным фактом начиная только с периода феодальной раздробленности, когда христианизация населения сделала особенно большие успехи.

Конечно, речь может идти лишь об отмирании веры по преимуществу в главных языческих богов (в Перуна, в Волоса, в Хорса, в Даждьбога и т. д.), воспринимавшихся как главные противники христианства. «Низшая» же мифология язычества — вера в домовых, в род, в рожаниц и мн. др. — еще долго остается в сознании людей, утратив, впрочем, в значительной мере свою силу. Однако сознание *единства* совокупности отдельных верований, неизбежно присутствующее в каждой религии, если только она осознается как религия, утрачено уже навсегда. Никто из выполнявших в XII — XIII веках языческие обряды и веривших в род, рожаниц и домовых не противопоставлял их христианству, как нечто равноправное ему, и в этом было одно из главных условий прочности так называемого двоеверия.

Густынская летопись, говоря о Коляде, сообщает: «Сему бесу в память простая чадь сходятся в навечерие Рождества Христова, а поют песни некия, в них же аще о Рождестве Христовом поминают, аболие Коляду беса величают». Конечно,

«беса» и языческого бога распознал в Коляде летописец, «простая» же «чадь» пела Коляде «песни некия», выполняя веселый, традиционный обряд, не осознавая в полной мере его языческого характера, — потому-то и «поминала» в этих песнях о рождестве Христовом.

Вот почему и сам летописец, несмотря на весь свой христианский ригоризм, не прочь определить время описываемых им событий то языческим Корочуном (самый короткий день в году — солнцеповорот, сопровождавшийся языческими обрядами), то языческой Радуницей (время поминовения умерших), то языческой Русальной неделей (также праздник поминовения умерших) и т. д. Он так же двоеверен, как и автор «Слова».

Автор «Слова» не верит в языческих богов так, как бы в них верил язычник. Для него языческие боги — это символы сил природы, художественные обобщения. Он одушевляет явления природы, деревья, солнце, ветер, реки, одушевляет даже города и их стены («уныша бо градомъ забралы», — говорит автор, описывая последствия поражения Игоря). Он персонифицирует и одушевляет отвлеченные понятия: обиду, приобретающую образ девы с лебедиными крыльями, Карну и Желю — тоску и печаль.

Все эти одушевления, элементы анимизма и язычества в «Слове» — явления художественного порядка.

Когда автор «Слова о полку Игореве» передает беседу Игоря с Донцом, он, конечно, не предполагает, что эта беседа имела место в действитель-

ной жизни. Эта беседа — художественное обобщение, она символизирует в широком смысле дружественное отношение русской природы к Игорю. Природа *поэтически,* а отнюдь не реально оживает в «Слове». Это поэтическое одухотворение природы только *генетически* восходит к первобытному анимизму, но само по себе этим анимизмом не является.

Автор «Слова» только поэтически одухотворяет природу и только поэтически видит в ней живое существо, сочувствующее русским. Нельзя себе представить, чтобы автор «Слова» на самом деле верил в то, что деревья реально оплакивают юношу Ростислава, «съ тугою» приклоняясь до земли, что дева Обида реально «плескала» крыльями на синем море у Дона, что печаль действительно «текла» «средь земли» русских. Не может подлежать сомнению, что и языческие боги, упоминаемые в «Слове», — это художественные образы, обладающие для автора сильной поэтической окраской, а не реальные культовые понятия. Автор «Слова» — христианин, а не язычник. Он не верит в языческих богов, как не верит в реальность разговора Игоря с Донцом.

Языческие боги — художественные образы, поэтические понятия. Автор «Слова» называет ветры «Стрибожьими внуками», говорит о русском народе как о «Даждьбожьем внуке». «Велесовым внуком» он называет Бояна. Перед нами поэтические парафразы. Языческие образы приобрели для автора «Слова» художественное значение. Он пользуется этими языческими понятиями наряду с одушевлением

природы — рек, деревьев, ветра, солнца. Вернее, языческие боги для автора «Слова» — это часть одушевленной природы. Это одухотворение чисто художественное и отнюдь не культовое.

Таким образом, в «Слове», как и в народном творчестве его времени, — налицо отход от язычества; языческие элементы осознаются как элементы чисто поэтические. В этом отношении «Слово о полку Игореве» отражает процесс разложения язычества и переход его к двоеверию, о котором мы говорили выше.

РИТМИЧНОСТЬ «СЛОВА»

В науке не раз делались попытки разложить текст «Слова» на стихи, найти в «Слове» тот или иной стихотворный размер.

Одни пытались разложить «Слово» на трохеи и амфибрахии, другие находили в нем дактило-хореические гекзаметры. В ритмике «Слова» усматривали родство с ритмикой украинских дум, с аллитерационным стихом скандинавских скальдов, с ритмом византийской церковной песни, со стихом русских былин, и т. д., и т. п.

Уже одно перечисление тех стихотворных форм, с которыми сопоставлялось «Слово», отчасти разъясняет несостоятельность попыток найти в «Слове» какую-либо определенную стихотворную систему. «Слово», конечно, не написано по законам современного нам стихосложения. Оно ритмично, но ритмическая система «Слова» глубоко своеобразна,

принадлежит своему времени — XII веку — и не поддается разложению на какие-либо современные нам стихотворные размеры.

Ритм «Слова» в основном связан с синтаксическим построением фраз, неразрывен со смыслом, с содержанием текста.

Тревожный ритм коротких синтаксически-смысловых единиц превосходно передает волнение Игоря перед бегством:

Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслию поля мѣритъ.

Или:

Кликну;
стукну земля,
въшумѣ трава,
вежи ся половецкии подвизашася.

Иной ритм — ритм большого, свободного дыхания народного плача — чувствуется в обращениях Ярославны к солнцу и ветру, к Днепру:

О Днепре Словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насадь
до плъку Кобякова.
Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ,
а быхъ не слала къ нему слезъ
на море рано.

Бодрый и энергичный ритм мчащегося войска чувствуется в описании черниговских кметей:

подъ трубами повити,
подъ шеломы възлѣлѣяни, конецъ копия
въскръмлени,

пути имъ вѣдоми,
яругы имь знаеми,
луци у нихъ напряжени,
тули отворени,
сабли изъострени;
сами скачють, акы сѣрыи влъци в полѣ,
ищучи себе чти, а князю славѣ.

Торжество победы русских над половцами превосходно передано энергичной фразой, лишенной сказуемого и потому производящей впечатление радостного возгласа, выкрика:

Чрьленъ стяг,
бѣла хорюговь,
чрьлена чолка,
сребрено стружие —
храброму Святъславличю!

Вместе с тем ритмичность «Слова» теснейшим образом связана со всей его композицией. Ритмично все построение «Слова» в целом. Ритмичны равномерные переходы от одной темы к другой. Ритмичны равномерно распределяющиеся в «Слове» лирические отступления, повторяющиеся лирические восклицания. Дважды повторено в «Слове» восклицание «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!» Дважды повторено восклицание «А Игорева храбраго плъку не крѣсити!» Трижды повторен призыв «За землю Рускую, за раны Игоревы». Ритмично повторяются одинаково построенные обращения Ярославны к ветру, к Днепру и к солнцу. Ритмично сменяют друг друга призывы к русским князьям: к Всеволоду, к Рюрику и Давыду, к Ярославу Осмомыслу и т. д.

Ритмичность речи подчеркивают одинаковые начала фраз:

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой
Каялы;
ту кроваваго вина не доста;
ту пиръ докончаша храбрии русичи.
Ту нѣмци и венедици,
ту греци и морава...

Уже снесеся хула на хвалу,
уже тресну нужда на волю.

Что ми шумить,
что ми звенить.

Бишася день,
бишася другый.

Уже бо, братие, не веселая година въстала,
уже пустыни силу прикрыла.

Ритмичность достигается также сочетанием однотипно построенных предложений, составляющих единое целое:

Притопта хлъми и яругы,
взмути рѣкы и озеры,
иссуши потокы и болота.

Или:

Уже снесеся хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже връжеся дивь на землю.

Уныли голоси,
пониче веселие,
трубы трубятъ городеньскии.

Всеславъ князь людемъ *судяше,*
княземъ грады *рядяше,*
а самъ в ночь влъкомъ *рыскаше.*

Солнце ему тьмою путь *заступаше,*
нощь стонущи ему грозою птичь *убуди.*

Ритм речи создают и излюбленные в «Слове» парные сочетания: «чти и живота», «свычая и обычая», «туга и тоска», «отъ Дона и отъ моря», «въ ты рати и въ ты плъкы», «что ми шумить, что ми звенить», «хълми и яругы», «рѣки и озера», «потокы и болота» и т. д. Не случаен также в «Слове» и синтаксический параллелизм:

Комони ржуть за Сулою, —
звенить слава въ Кыевѣ;
трубы трубять в Новѣградѣ, —
стоять стязи в Путивлѣ!

Существенное значение в «Слове» имеет также ритмическое равновесие: несколько коротких синтаксических единиц сменяются одной или двумя длинными; несколько длинных заключаются одной или двумя короткими. Перед нами в «Слове» строго выработанная система кадансов, благодаря которой каждый раздел «Слова» имеет свой ритмически законченный рисунок.

Наконец, ритм в «Слове» связан и с постоянными противопоставлениями:

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
а храбрии русици преградиша чрълеными
щиты.

Рѣтко ратаевѣ кикахуть,
нъ часто врани граяхуть.

Коли Игорь соколомъ полегѣ,
тогда Влуръ влъкомъ потече.

Противопоставления эти неразрывны с основным содержанием «Слова», отвечают его идейному замыслу. В «Слове» постоянно противопоставляется Русская земля половецкой стране «незнаемой», храбрые русичи — половцам, мирный труд — войне.

Итак, гибкий ритм «Слова» подчинен содержанию. Ритм «Слова» меняется, близко следует смыслу, содержанию произведения. В этом точном соответствии ритмической формы и идейного содержания «Слова» — одно из важнейших оснований своеобразной музыкальности его языка.

«СЕРДЕЧНОЕ ИСКУССТВО» «СЛОВА»

Максим Горький говорил о русском искусстве нового времени: «Русское искусство прежде всего сердечное искусство. В нем неугасимо горела романтическая любовь к человеку, этим огнем любви блещет творчество наших художников великих и малых...» [1] Зачатки этой «сердечности» мы можем заметить и в древнейших произведениях русской литературы. Она отчетливо проявилась уже в «Слове о полку Игореве».

«Слово о полку Игореве» — одно из самых гуманистических произведений мировой литературы. Оно отмечено печатью особой человечности, особенно внимательного отношения к человеческой личности.

---

[1] См. «М. Горький о родине». М., Гослитиздат, 1945, стр. 48.

Оно полно сильных и волнующих чувств. Рассказывая о походе русского войска, автор «Слова» преисполнен такой сильной скорби, что как бы не может удержать себя от вмешательства в действия Игоря. Он прерывает самого себя восклицаниями горя: «О! далече заиде соколъ, птицъ бья, — къ морю! А Игорева храбраго плъку не крѣсити!»; «О, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей!» Автор «Слова» одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее среди людей. Чувства автора «Слова о полку Игореве» так велики, его понимание чужого горя и чужих радостей так остро, что ему кажется, что этими же чувствами, этими же переживаниями наделено и все окружающее. Животные, деревья, трава, цветы, вся природа и даже забралы городов щедро наделяются им человеческими чувствами, способностью различать добро и зло, сочувствовать первому и ненавидеть второе, они предупреждают русских о несчастьях, переживают с ними горе и радости. Это слияние автора и природы усиливает значительность и драматизм происходящего. Чувства автора, находящие отклик в природе, как бы оказываются удесятеренными в силе.

Автор «Слова» с осязательной живостью рисует себе удаление русского войска и дважды восклицает: «О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!» Только бывавший в походах мог с такою точностью передать душевные переживания воинов, уходящих за пределы родной земли, прощающихся с родиной.

Автор «Слова» как бы слышит издалека шум битвы, но в сильном душевном волнении не хочет

и не может осознать внезапно надвинувшегося поражения, несмотря на всю его очевидность; он восклицает: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями?» Только переживший сам душевную утрату мог с такою психологическою верностью передать свое смятенное состояние, свое нежелание поверить в случившееся несчастье.

Автор «Слова» с исключительной внимательностью проникает в душевные переживания своих героев. Во всей сложности предстают перед нами противоречивые чувства Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря и Всеволода. Он отечески любит их и отечески упрекает их за безрассудную затею похода на половцев без сговора с остальными русскими князьями: «Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ».

Автор «Слова» понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптав «поганые» полки половецкие, «помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами и кожухы начяшя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи половѣцкыми». И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор «Слова» с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своем муже. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере.

Автор «Слова» сочувственно понимает предпочтение смерти плену, высказанное Игорем в начале похода. Он с удивительной человечностью говорит

об одинокой (именно одинокой!) смерти Изяслава Васильковича на поле битвы на кровавой траве: не было с ним его братьев, в одиночестве изронил он свою жемчужную душу через золотое ожерелье.

Человечность «Слова» проявляется разнообразно и сильно. Она сказывается и в характеристиках действующих лиц: выразительных, кратких и удивительно различных. При всей мимолетности замечаний, которые автор «Слова» в своей лирической торопливости бросает о действующих лицах произведения, в «Слове» нет и двух одинаковых действующих лиц. Каждый из многочисленных героев «Слова» наделен собственными чертами. В них подмечено самое существенное, и это существенное воплощено в произведении самыми различными художественными средствами. Образ «соловья старого времени» раскрыт характеристикой его художественной манеры. Характеристика Ярославны воплощена в ее лирической песне. Описание воинской готовности «сведомых кметей», курских воинов Всеволода буй-тура, является одновременно и их лучшей характеристикой.

Наблюдательностью и внимательным отношением к человеческой личности отмечены отдельные эпитеты, которыми наделены в «Слове» его действующие лица. Ярослав Мудрый назван «старым», и этим подчеркнут не только его возраст, не только то, что он жил в «старые» (прежние) времена, но и его опыт, ум. Его брат Мстислав Владимирович Великий, вступивший в единоборство с врагами Русской земли, назван «храбрым». Роману Святославичу придан эпитет «красный», то есть краси-

вый. Мужественный и сильный брат Игоря Всеволод назван «буй-туром» и «яр-туром». Жена Всеволода — его «милая хоть» — «красная»; мудрого и прозорливого Бояна автор «Слова» называет вещим, воины Романа Мстиславича — «железные» и т. д.

Особенно любит автор «Слова» эпитет «храбрый». «Храбрые» у него не только Мстислав, Игорь, Борис Вячеславич, «храбрыми» названа не только дружина, ольговичи, все русские сыны — «русичи», — даже самая мысль Романа Мстиславича «храбрая». В этом сказалось особое пристрастие автора «Слова» к воинским доблестям.

Автор «Слова» находит глубокое человеческое содержание во всем, что останавливает на себе его внимание. Глубокой человечностью веет на нас от пейзажа опустелой пашни. Печальная картина заброшенной нивы, на которой вместо покрикивающего на свою лошадь пахаря только вороны граят, «трупиа себѣ дѣляче», а галки «свою рѣчь говоряхуть», собираясь полететь на добычу, — до боли сжимает сердце читателя и воспринимается как своеобразный плач автора о русском народе.

Эта необыкновенная чуткость автора «Слова» к человеческому страданию, его большое и умное сердце не могли не привлечь его к народному горю — к бедствиям трудового русского населения. Народность и гуманизм произведения — это, в сущности, две стороны одного и того же. Благодаря им «Слово» живет и для нас, продолжает волновать нас и до сих пор.

Но чувства автора «Слова» не оторваны от эпохи, от условий, их породивших, от родины, их воспитавшей. Автор «Слова» — русский прежде всего. Его чувства целиком подчинены всепроникающей любви к родной ему Русской земле. Именно эта Русская земля явилась главным героем его произведения. И именно эта любовь к родине, к русским людям до предела усилила его чувства, сделала их сложными, обострила его слух, зрение, его поэтическое воображение. Именно она, любовь к родине, являлась его подлинной вдохновительницей.

Любовь к родине и к «русским сынам» помогла автору «Слова» проникнуть в думы русских воинов, переступивших границу Русской земли у «шеломяни».

Любовь к родине и к безвестным нам «русичам» из храброго полка Игоря помогла ему ощутить тревогу мучительно долгой ночи накануне сражения.

Любовь к родине раскрыла ему скорбные переживания Ярославны, наполнила его сердце жгучим горем о погибших русских воинах.

Любовь к родине и к русскому народу позволила автору «Слова» подглядеть и подслушать своим творческим воображением и беседу Игоря с Донцом, и пение дев на Дунае, и тревожные знамения природы, и радость русских городов и сел по поводу возвращения Игоря из плена, и даже злобный и торопливый разговор ханов Гзака и Кончака, гонящихся за Игорем.

В основе гениальной наблюдательности автора «Слова», в основе силы и свежести его человеческих чувств лежала его любовь к родной ему страдаю-

щей земле. Любовь к родине водила его пером и определила собой глубокую народность содержания и формы «Слова».

Она же, любовь к родине, высоко подняла его над пределами своего времени, сделала его произведение бессмертным и общечеловеческим, народным и гуманистическим, полным горячего лиризма и самой трепетной художественной правды.

Сила любви к родине, к Русской земле, покоряет читателей «Слова». Чувство это пронизывает собой все произведение. Оно проступает в каждой строке. Оно наполняет сердце читателя жгучим горем при описании поражения русского войска, гордостью за свою родину при описании силы и смелости ее князей, острой ненавистью к ее врагам в рассказе о разорении Русской земли. Любовь к родине определила выбор художественных средств в «Слове», усилила наблюдательность ее автора, вдохнула в него подлинное поэтическое одушевление, придала высокую идейность его произведению.

Вот почему значение «Слова» так безмерно возросло в наше время. Вот почему оно находит такой горячий отклик в сердцах всех людей, беззаветно преданных своей родине.

КОГДА БЫЛО НАПИСАНО «СЛОВО»

В древней Руси исторические сочинения писались обычно вскоре же по совершении событий их очевидцами или современниками. В дальнейшем эти сочинения могли переделываться: дополняться,

сливаться с другими сочинениями, обрабатываться стилистически и идеологически. Так, например, летописец приписывал к старым летописям новые записи. Часто летописец сокращал старые летописные записи, дополнял их родственными сочинениями на ту же тему, составлял большие исторические компиляции, но целиком новые строки писались им только о том, что он знал как современник. О событиях большой давности в древней Руси не писали новых оригинальных сочинений. В этом выражалось уважение древнерусских книжников к исторической правде, взгляд на исторические сочинения как на своего рода свидетельство современника.

«Слово о полку Игореве» не составляет исключения в этом отношении. Оно не носит характера компиляции, «свода» предшествующего материала, оно очень цельно по стилю и замыслу, и можно думать поэтому, что оно написано современником. Его осведомленность — типичная осведомленность современника, а не эрудита-книжника, воспроизводящего события по различного рода «историческим источникам». Он не только знает больше, чем летописцы, — он видит и слышит события во всей яркости жизненных впечатлений.

Он знает, например, что во время битвы Игоря с половцами ветер дул со стороны половцев, и дважды об этом упоминает (в описании начала битвы и в плаче Ярославны). Южные ветры действительно характерны для этой части восточноевропейской равнины весной и летом.

Он знает и живо ощущает степную природу XII века: свист сусликов, стук дятлов в поймах

степных рек, повадки чернядей, гоголей и чаек, повадки соколов, лай лисиц на щиты, красного цвета которых они не выносили, и т. д., и т. п.

Он знает о расположении дворца галицкого князя — «высоко» на горе; он знает, что Игорь ехал в Киев из Чернигова речным путем и поднимался «на горы» киевские от пристани по Боричеву взвозу; он знает о русских поселениях на Дунае; знает он и о том, что Нежатина Нива, на которой разыгралась битва в 1076 году, находилась у черниговской речки Канины, и многое другое.

Как современник разбирается автор «Слова» в политическом положении отдельных русских княжеств. С удивительной точностью оценивает автор политическое положение Владимиро-суздальского княжества, Галицкого, Полоцкой земли и т. д. Только в самое последнее время оказались мы способны оценить правильность многих исторических указаний автора «Слова», до недавнего времени казавшихся ошибочными (например, похороны Изяслава «у святой Софии» в Киеве; исследователи предполагали, что Изяслав был похоронен в Десятинной церкви). Наконец, язык «Слова» — несомненно, язык второй половины XII века. Автор «Слова» употребляет политическую терминологию, которая начала входить в обиход только в 70-х годах XII века (термин «господин» в отношении князя). Он правильно употребляет сложную феодальную и военную терминологию XII века («въсесть на конь», «испить шеломомъ» из Дону, Волги, «обида», «понизить стяг», «потоптать», «преломить копье», «се мое, а то твое» (в «Слове» это последнее

выражение иронически перестроено: «се мое, а то мое же»), «отец», «сын» (для обозначения феодальных отношений власти и подчинения) и т. д.

Многие из этих терминов совершенно исчезли в языке послемонгольской поры.

Как показали исследования последнего времени, автор «Слова» употребляет тюркские слова в их типичной для XII века форме.

Закономерны для XII века и грамматические формы языка «Слова о полку Игореве» и особенности его лексики.

Археологически точны все упоминания в «Слове» оружия. Мечи, впоследствии переставшие применяться, в XII веке еще употреблялись наряду с начавшими входить в военный обиход саблями. Щиты русских действительно красились в червленый цвет. Шлемы князей были действительно золочеными. Массированное употребление стрел в начале боя, чтобы рассеять боевые порядки противника, было действительно общеупотребительным в XII веке, напоминая дождь или град.

Археологически точны указания на одежду.

Этнографически подтверждены и древнерусские поверья, отразившиеся в сне Святослава Киевского.

«Паволоки» и «драгыя оксамиты», которые захватили воины Игоря в половецких вежах, — это те самые товары, с которыми приходили половцы торговать на Русь, покупая их в причерноморских городах у греков.

«Поскепанный» (расщепленные) шлемы половецкие действительно могли быть расщеплены, так

как делались из дерева и только покрывались стальной оковкой.

Действительно славились на Руси угорские иноходцы. Пленных действительно заключали в «гридницах» — больших пиршественных залах («и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли»).

Даже такая деталь, как упоминание в «Слове» «красных» (то есть красивых) девушек половецких, находит себе подтверждение у Низами в его поэме «Искендер-намэ», где восхваляется их красота.

Можно было бы привести много других соображений в пользу того, что «Слово» создано современником событий, но самое важное и убедительное — непререкаемая свежесть впечатления. «Слово о полку Игореве» — это не историческое повествование о далеком прошлом: это отклик на события своего времени, полный еще не притупившегося горя. Автор «Слова» обращается в своем произведении к современникам событий, которым эти события были хорошо известны. Поэтому «Слово» соткано из намеков, из напоминаний, из глухих указаний на то, что еще было перед глазами у всех его читателей-современников.

Есть и более точные указания в «Слове» на то, что оно написано вскоре после описываемых событий. «Слово» нигде не упоминает о событиях, происшедших после 1187 года. В 1196 году умер буй-тур Всеволод, в 1198 году Игорь Святославич сел на княжение в Чернигове, не раз ходил перед тем вновь на половцев, но все это осталось без упоминаний в «Слове о полку Игореве». Не упомянуты

и другие события русской истории, случившиеся после 1187 года. В частности, «Слово» в числе живых князей называет умершего в 1187 году Ярослава Осмомысла Галицкого; к нему автор «Слова» обращается с призывом «стрелять» в Кончака «за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святъславлича». Отсюда ясно, что «Слово» написано не позднее 1187 года; но оно не могло быть написано и ранее 1187 года, так как оно заключается «славой» «молодым» князьям — в том числе и Владимиру Игоревичу, только в 1187 году вернувшемуся из плена.

«СЛОВО» В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Знакомство со «Словом» отчетливо обнаруживается во всем последующем развитии древней русской литературы. Так, например, в псковском «Апостоле» 1307 года, хранящемся в Государственном историческом музее в Москве («Апостол» — это одна из богослужебных книг), читается следующая приписка, сделанная переписчиком на последнем листе рукописи: «Сего же лета бысть бой на Руськой земли Михаил с Юрьем о княженье новгородъское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князех котóры ⟨свары⟩, и веци скоротишася человеком». Приписка эта во второй половине представляет собой переделку следующего места из «Слова»: «Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; въ

княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась».

В самом начале XV века «Слово» послужило литературным образцом для создания «Задонщины». «Задонщина» — это небольшое поэтическое произведение, посвященное прославлению победы Дмитрия Донского на Куликовом поле «за Доном». «Задонщина» ведет это прославление, пользуясь образами «Слова о полку Игореве», противопоставляя печальное прошлое радости победы. Правда, автор «Задонщины» не всюду понял «Слово», исказил и ослабил многие его художественные образы. Так, например, в «Слове о полку Игореве» Днепр пробивает «каменные горы», то есть пороги; в «Задонщине» это отнесено к Дону, — там Дон также пробивает каменные горы; но течение Дона не встречает на своем пути ни порогов, ни гор. В «Слове» «дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша», и мы знаем действительно, что половцев было много, что они как стенами обступили русское войско; в «Задонщине» же один только русский воин-монах Пересвет «свистом поля перегороди» и т. д.

Через «Задонщину», а может быть и непосредственно, «Слово» оказало влияние и на другое произведение о Донской битве — на так называемое «Сказание о Мамаевом побоище».

В XVI веке «Слово», без сомнения, переписывалось в Пскове или в Новгороде (сгоревшая в пожаре 1812 года рукопись «Слова» была именно этого происхождения).

По-видимому, именно «Слово» отразилось в псковской летописи в рассказе о битве под Оршею

1512 года: «Бысть побоище велие моквичем с Литвою под городом под Оршою; и возкличаша и возопиша жены орешанки на трубы московскиа, и слышаше быти стуку и грому великому и межу москвич и Литвою. И вдариша москвичи на Литву, руския князи и бояре з дивными удальцы рускими сыновами на сильную рать литовскую, и треснули копья московская, и гремяг мечи булатные о шеломы литовскиа на поли Оршиском».

Есть основание думать, что «Слово» было знакомо автору «Поэтической повести об осадном сидении казаков в Азове», составленной в середине XVII века.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдохновения для собственных произведений. Созданное на юге Руси, «Слово» «не затерялось, — по выражению академика А. С. Орлова, — на границе дикого поля; оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность».[1]

ОТКРЫТИЕ «СЛОВА», ЕГО ИЗДАНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ПЕРЕВОДЫ

Один из списков «Слова», переписанный, по-видимому, в XVI веке, был найден в начале 90-х годов XVIII века известным любителем и собирателем

[1] А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М. — Л., изд-во АН СССР, 1946, стр. 6.

русских древностей А. И. Мусиным-Пушкиным. Текст «Слова» находился в сборнике древнерусских произведений светского содержания. Если верить заявлениям самого А. И. Мусина-Пушкина, он был приобретен им через своего комиссионера в числе других рукописей у бывшего архимандрита закрытого к тому времени Спасо-Ярославского монастыря — Иоиля Быховского. Кроме «Слова», этот сборник заключал в себе «Хронограф», летопись, называвшуюся «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Русскыя», «Сказание об Индийском царстве», повесть об Акире Премудром и «Девгениево деяние». Есть, однако, и другие данные о приобретении А. И. Мусиным-Пушкиным этого сборника с текстом «Слова». А. И. Мусин-Пушкин мог приобрести его не совсем законным путем в одном из псковских монастырей, используя свое положение обер-прокурора святейшего синода.

Первое, очень краткое сообщение о «Слове» было сделано известным поэтом того времени М. М. Херасковым в 1797 году во втором издании его поэмы «Владимир». Затем о «Слове» несколько более подробно сообщил Н. М. Карамзин в октябрьской книжке за 1797 год журнала «Spectateur du Nord», издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге. С рукописи «Слова» сняты были копии: одна из них, предназначавшаяся для Екатерины II, дошла до нас. Кроме переписанного текста «Слова», Екатерининский список «Слова» заключал в себе перевод, примечания и краткую справку о «Слове». В XVIII веке были сделаны еще и другие

переводы «Слова», совершенствовавшие первый. В 1800 году «Слово» было издано А. И. Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве со своими учеными друзьями: А. Ф. Малиновским, Н. Н. Бантыш-Каменским и историком Н. М. Карамзиным — тремя лучшими знатоками древнерусских рукописей того времени. В 1812 году сборник, включавший «Слово», сгорел в московском пожаре вместе со всем ценнейшим собранием древнерусских рукописей в доме А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляе. В собрании А. И. Мусина-Пушкина сгорели и другие рукописи первостепенного значения, как, например, знаменитая Троицкая летопись самого начала XV века, которой широко пользовался Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского». Сгорела и бо́льшая часть экземпляров первого издания «Слова». Нет ничего удивительного в том, что «Слово» сохранилось только в одном списке. В единственном списке дошло до нас не только «Слово о полку Игореве», но и множество других произведений древней русской литературы, среди них такие первоклассные, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о погибели Русской земли» (второй список его был опубликован только в 40-х годах XX века), «Повесть о Горе Злосчастии», «Повесть о Сухане», перевод с греческого Хроники Георгия Синкела и мн. др. Единственный список Троицкой летописи сгорел, как и список «Слова».

И первые комментарии и первые переводы «Слова» ясно показывают, что первоначально многие места «Слова» были непонятны. Чтобы показать, насколько отличается наше понимание «Слова» от

того, которое было у его первых исследователей и переводчиков, приведем несколько примеров.

Из вполне ясного и обычного для древнерусского языка слова «къмети» в Екатерининской копии и в первом издании сделано два слова «къ мети», и все выражение «свѣдоми къмети» переведено так: «в цель стрелять довольно сведомы» (так в Екатерининском списке) и «в цель стрелять знающи» (так в издании 1800 года; характерно, что так же точно разделено это слово и в мусин-пушкинском издании «Поучения» Владимира Мономаха 1793 года). «По вълзѣ» (то есть «по Волге») в Екатерининском списке переведено «По Ворскле». Вместо города «Сурожа» переводчик Екатерининского списка вставил реку «Суугли». В первом издании (1800 года) эти два слова уже поняты, но переводчик и первого издания и Екатерининского списка не понял слов «Поморье» и «Посулье», переведя их: «по морю, по Суле». Обычное древнерусское слово «шеломя» (холм) комментаторы приняли за название села. Выражение «на борони» («боронь» — полногласная форма церковнославянского слова «брань» — сражение) в Екатерининском списке переведено «в руке правой» (то есть на правом фланге), а в первом издании — «на стороже». «Были вѣчи ⟨то есть века⟩ Трояни» переводилось: «бывали вечи ⟨съезды⟩ Трояновы».

Совершенно не понято было место, в котором говорится о похоронах отца Святополка: «Съ тоя же Каялы Святоплъкь повелѣя отца своего междю угорьскими иноходьци ко святѣй Софии къ Киеву». В Екатерининском списке это место переведено

совершенно нелепо: «С той же Каялы вел Святополк войска отца своего между угорскою конницею ко святой Софии к Киеву», а в первом издании: «С той же Каялы вел Святополк войска отца своего сквозь Венгерскую конницу в Киев ко святой Софии». Об Олеге Гориславиче в примечаниях к первому изданию сказано «неизвестен». «Карна» и «Жля» приняты за имена половецких ханов. Выражение «ни мало того потрепати» переведено «не возвратить». Кощей и чага приняты за собственные имена. Слово «толковины», известное из летописей, переведено «раковины». «Хин» переведено как «хан». «Готские» красные девы определены как «половецкие». Хан «Шарукан» был первоначально принят за город и только в первом издании определен как «князь». Не поняли первые переводчики и слова «сыновец». Форма «мужаимъся» (то есть мужаемся) в Екатерининском списке разделена: «мужа имѣся», а в первом издании еще более нелепо: «му жа имѣся», и в обоих случаях даны ни с чем не сообразные переводы. Выражение «се у Римъ ⟨то есть у города Рим⟩ кричат» разбито на слова в обоих случаях: «се Урим кричатъ», и это нелепое «Урим» принято за имя собственное.

Не сумели определить первые комментаторы и того, о каком «сыне Глебовом» идет речь в «Слове». «Великого князя Всеволода» Суздальского (Юрьевича — сына Юрия Долгорукого) первые комментаторы определили как Всеволода Ольговича — отца Святослава Киевского. Не сумели первые комментаторы определить и того, кто такие «удалые сыны Глебовы». Не определили они и Романа и

Мстислава, Ингваря, Всеволода и «всех трех Мстиславичей», Изяслава Васильковича. Совсем запутались они в вопросе о том, кто такой был Борис Вячеславич. Они превратили бога Хорса, известного по многим источникам, в город Херсон, перевели «до куръ» (то есть «до петухов» — рано утром) — «до Курска». Особенно нелепо передано и переведено место: «сего бы нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы; нъ розьно ся имъ хоботы пашутъ» (то есть: «но врозь развеваются их полотнища»). «Нъ розьно ся» разбито так: «нъ рози нося», а перевод в первом издании дан такой: «Теперь знамена его достались одни Рюрику, а другие Давыду; *их носят на рогах, вспахивая землю»!*

Особенно ярко неподготовленность ученых конца XVIII века к пониманию «Слова» выразилась в неправильном разделении его текста на слова. В рукописи «Слова», по свидетельству видевших ее, текст был написан в сплошную строку, без разделения на слова, и последнее пришлось производить самим первым издателям. Кроме уже приведенных выше бессмысленных разделений текста на слова, приведем и такие; «стугою», «на ю» (вм. «наю» — двойственное число первого лица от местоимения «я»), «по скочи», «небылонъ» (вм. «не былъ онъ»), «сице и рати» (вм. «сицей рати»), «затвори въ Дунаю ворота» (вм. «затворивъ Дунаю ворота») и мн. др.

Число примеров непонимания «Слова» первыми его исследователями можно было бы значительно

увеличить, но и приведенного достаточно, чтобы отчетливо представить себе, как многого в «Слове», что кажется нам теперь совершенно ясным, не понимали в конце XVIII века.

Не были поняты идеи «Слова», его призыв к единению, связи «Слова» с русской и украинской народной поэзией, не был определен язык, на котором написано «Слово».

Наше современное понимание «Слова» — результат длительного изучения «Слова», его эпохи, памятников древнерусской литературы, истории русского языка, русской народной поэзии, древней русской культуры в целом и т. д. Многое в «Слове» было подтверждено позднейшими открытиями различных памятников древнерусской литературы: «Задонщины», известной приписки в псковском «Апостоле» 1307 года, «Слова о погибели Русской земли» и т. д. Только безнадежно испорченные места, каких, кстати, много и в других памятниках древней русской литературы, особенно тех, которые, как и «Слово», дошли до нас в единственном списке, остаются до сих пор в «Слове» без удовлетворительного объяснения.

Не было ни одного крупного русского ученого-филолога, который не писал бы о «Слове». Всего в исследовательской литературе насчитывается около 1000 работ о «Слове».[1]

---

[1] См.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. М. — Л., изд-во АН СССР, 1940; Л. А. Дмитриев. «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. М. — Л., изд-во АН СССР, 1955.

Первая половина XIX века в изучении «Слова» отмечена существованием скептического отношения к подлинности «Слова» у ряда тогдашних ученых. Скептицизм этот был порожден так называемой скептической школой русской историографии. Скептицизм в отношении «Слова» был лишь частным случаем общего скептицизма, который проявлялся в отношении всех основных памятников древней русской письменности представителями скептической школы. Скептики сомневались в подлинности всех памятников XI—XII веков, которые противоречили их невежественным представлениям об уровне древней русской культуры: Древнейшей летописи, которую они считали составленной в XIV веке, Русской правды, договоров Олега и Игоря с греками, «Поучения» Владимира Мономаха, сочинений Туровского и, конечно, «Слова о полку Игореве». Они не щадили даже фактов, подтвержденных многими свидетельствами, и сомневались в том, что, по существу, являлось очевидностью.

Очень важно отметить, что представители скептической школы были в основном людьми консервативных, официальных воззрений. Своими реакционными взглядами был известен друг Булгарина скептик О. И. Сенковский, а также «парнасский старовер» М. Т. Каченовский и М. Н. Катков. Против скептика И. И. Давыдова, бывшего директором Главного педагогического института, выступал Н. А. Добролюбов.

Это не случайность. Скептицизм консерваторов диктовался неверием в творческие силы народа, в

национальные традиции, в культуру нации. Только воля монарха казалась единственным проводником просвещения. Великое прошлое народа всегда оскорбляло самоуверенность деспотов, их желание играть роль главных вершителей судеб своего народа.

Скептицизм первой половины XIX века в отношении «Слова» пришел к своему концу по двум причинам. Во-первых, изжила себя и перестала существовать самая скептическая школа, с которой были связаны скептические воззрения на «Слово». Во-вторых, скептицизм в отношении «Слова» исчезал по мере того, как открывались новые факты, подтверждавшие подлинность «Слова», по мере того, как объяснялись отдельные «темные места» «Слова», подыскивались к нему параллели в других древнерусских памятниках, прояснялся и изучался язык «Слова», объяснялась его идейная сторона, выяснялись те или иные исторические обстоятельства, упомянутые в «Слове», выявлялись связи «Слова» с фольклором, создавались правильные представления о культуре древней Руси.

Особенное значение в опровержении мнений скептиков о «Слове» имело открытие «Задонщины» в 1852 году. Это открытие поставило в крайне затруднительное положение скептиков. Нельзя было сомневаться, что «Задонщина» возникла не позднее XV века, что подтверждалось и подлинными рукописями «Задонщины» и самим ее текстом. И вот замечательно, что «Задонщина» оказалась явным

подражанием «Слову о полку Игореве». Вот почему позднее, уже в наше время, когда была сделана на Западе известным французским славистом профессором А. Мазоном попытка возродить скептическое отношение к «Слову», он принужден был прежде всего постараться «реабилитировать» «Задонщину» и стремился доказать, вопреки текстологической очевидности, что не «Слово» повлияло на «Задонщину», а «Задонщина» на «Слово».

В своем построении А. Мазону пришлось встать в вопиющее противоречие с фактами. Он уверяет своих читателей: 1) что «Задонщина» — произведение высокохудожественное, а «Слово» — слабое;[1] 2) что «Задонщина» была открыта не в 1852 году, а в конце XVIII века, но что список ее был якобы скрыт и нарочно уничтожен; 3) что это сокрытие и уничтожение произведения о величайшей победе России, принесшей ей освобождение от татаро-монгольского ига, было сделано в шовинистических целях: чтобы создать на основе этого подлинного произведения о *победе* русских подложное произведение об их *поражении* и при этом в угоду «империализму» Екатерины II, чтобы польстить ее чувствам завоевательницы юга и расширительницы границ Росии на западе и т. д.; 4) что первые издатели «Слова» нарочно не понимали его текст, чтобы создать видимость подлинности, и т. д.

[1] Впрочем, в одной из своих последующих работ (в «Slavonic and East European Review», XXVIII) А. Мазон считает «Слово» более высоким в художественном отношении произведением, чем «Задонщина».

Указывая на «оссианизмы» (то есть стилистические подражания «Оссиану» Макферсона), модернизмы, галлицизмы «Слова», А. Мазон прибег к крайним натяжкам, игнорируя иногда хорошо известные историкам русского языка и историкам древней русской литературы факты. Так, например, подавляющее большинство указанных им «оссианизмов» «Слова» содержит и текст «Задонщины» (мрачный колорит, восклицания, предчувствия, «сентиментальные» сцены, слезы действующих лиц, таинственный «див», произвольно отождествляемый первыми издателями «Слова» с филином, и т. д.).

В западной науке А. Мазону удалось убедить в своих суждениях о поддельности «Слова» только некоторых, слабо знакомых с текстами древнерусских произведений исследователей. Подавляющее большинство западноевропейских и американских ученых-филологов, писавших о «Слове», выступило против концепции А. Мазона: А. Брюкнер, А. В. Соловьев, Р. О. Якобсон, А. Стендер-Петерсен, П. Бицилли, Г. Вернадский, А. Грегуар, К. Менгес, С. Кросс, А. Зайончковский, Ф. Дворник, М. Фасмер, А. Лорд, С. Вольман, Н. Дылевский, Р. Нахтигаль и многие другие.

В Советском Союзе концепция А. Мазона не встретила сторонников. Наиболее обстоятельные возражения А. Мазону сделали: А. С. Орлов,[1]

---

[1] См.: А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М. — Л., изд-во АН СССР, 1946, стр. 206—213.

С. П. Обнорский,[1] Н. К. Гудзий,[2] В. П. Адрианова-Перетц.[3] Эти возражения оставлены А. Мазоном без обстоятельного ответа.

Почти 170 лет находится «Слово о полку Игореве» в поле зрения издателей, исследователей, переводчиков, поэтов, художников, композиторов и просто читателей.

«Слово о полку Игореве» стало живым явлением не только литературы древней, но и новой — XIX и XX веков. Поэты не только переводили «Слово», но и использовали его образы в своих произведениях. Поэтические инкрустации из «Слова» вносили в свою поэзию А. Радищев (в «Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам»), В. Жуковский (в «Певце во стане русских воинов»), А. Пушкин (в «Руслане и Людмиле»), К. Рылеев (в стихотворениях «Боян», «Владимир Святой», «Рогнеда»), А. Островский (в «Снегурочке»). С удивительным искусством использованы

---

[1] См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., изд-во АН СССР, 1946, стр. 132—198.

[2] См.: Н. К. Гудзий. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследованиях проф. А. Мазона. — Ученые записки МГУ, вып. 110. Труды кафедры русской литературы, кн. 1, М., 1946; Н. К. Гудзий. Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве». — Известия АН СССР, ОЛЯ, т. IX, 1950, № 6.

[3] См.: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Ігоревім» і «Задонщина». — «Радянське літературознавство», Київ, 1947, № 7, 8.

образы «Слова» в стихах о России А. Блока и в произведениях И. Бунина. Образами «Слова» населяет свою повесть «Кровный узел» Б. Лавренев. «Слово» звучит в «Думе про Опанаса» Э. Багрицкого, в стихах А. Прокофьева, П. Тычины, М. Рыльского, Л. Первомайского, М. Бажана и многих других. Образы «Слова» несут в себе удивительную поэтическую силу; они используются поэтами наряду с образами народной поэзии. Внесенные в современную поэзию, они помогают ощутить связь времен, извечность патриотических чувств, вечность пейзажей нашей родины — особенно степных.

«Слово о полку Игореве» вошло в русскую музыку: опера А. П. Бородина «Князь Игорь» стала одним из любимейших произведений русского и советского оперного слушателя. Сюжеты «Слова» широко использовались в живописи. Напомним картины В. Г. Шварца «Плач Ярославны» и «Боян», В. Г. Перова «Плач Ярославны» и особенно знаменитую картину «После побоища Игоря Святославовича с половцами» В. М. Васнецова, а также этюды, эскизы и декорации к опере «Князь Игорь» Н. Рериха, «Вещее затмение» А. Ф. Максимова, иллюстрации к «Слову» В. А. Фаворского и палехского художника И. И. Голикова.

«Слово» переводили Жуковский, Майков, Мей, подготовительные материалы к переводу «Слова» оставил Пушкин. Переводил «Слово» и Шевченко. Превосходный перевод «Слова» на белорусский язык принадлежит Я. Купале.

«Слово» было переведено на многие языки народов СССР (абхазский, армянский, башкирский,

белорусский, грузинский, еврейский, казахский, карельский, латышский, литовский, осетинский, татарский, узбекский, украинский, чувашский, эстонский, якутский и др.), на все славянские языки и на многие языки мира (английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, датский, венгерский, румынский, финский, китайский, японский и др.).

Переводы «Слова о полку Игореве», принадлежащие крупнейшим поэтам — Юлиану Тувиму на польский язык, Райнеру Марии Рильке на немецкий, швейцарскому поэту Филиппу Супо на французский, Людмилу Стоянову на болгарский, — сделали «Слово» широко популярным и любимым за пределами нашей страны.

Работы о «Слове» выходят в Америке и в Японии, в Индии и Финляндии, в Китае и в Италии. «Слово» привлекает исследователей самых различных стран сочетанием общечеловеческого содержания с национальным, типичных средневековых особенностей художественной формы с непреходящими эстетическими ценностями.

Его поэтические достоинства приобрели ценителей во всех странах мира. Оно стало явлением мировой поэтической культуры.

О БЕССМЕРТИИ «СЛОВА»

На одном греческом надгробии читаются следующие слова, полные глубочайшего пессимизма. Они написаны как бы от имени погребенного: «Я не был, — был, — никогда не буду».

С этими словами необходимо поспорить. Умирая, человек продолжает жить, — он живет в своих делах. И важно при этом то, что в человеке жило, живет и будет жить только лучшее. Худшее не наследуется в широком смысле этого слова, оно не имеет длительных национальных традиций, оно непрочно, оно легко возникает, но еще быстрее исчезает. Лучшее же в человеке бессмертно. Еще более это относится к жизни памятников искусства. Произведения искусства воплощают в себе длительные народные традиции. Они продолжают жить и за пределами своей эпохи. В лучших своих произведениях — произведениях гуманистических, человечных в высшем смысле слова — искусство не знает старения. Наиболее высокие произведения искусства продолжают быть современными столетия и тысячелетия. Современность искусства — это все то, что сохраняет свою идейную и эстетическую действенность, все то, что читает, смотрит и слушает народ в данный момент, — независимо от того, в какое время были созданы эти произведения искусства.

История искусства и, в частности, история литературы резко отличается от общей истории. Ее процесс — не процесс изменения, а процесс накопления и отбора лучшего, действенного. Лучшие произведения искусства и, в частности, лучшие произведения литературы продолжают участвовать в жизни народа и в жизни его литературы.

Вот почему «Слово о полку Игореве», продолжающее жить в сотнях произведений русской литературы XIX и XX веков, мы вправе считать произведением не только древней, но в известной мере

и современной литературы. Оно живо и действенно, заражает своей поэтической энергией и воспитывает идейно, учит литературному мастерству и любви к родине.

Более чем семь с половиной веков живет «Слово о полку Игореве» полнокровной жизнью, и сила его воздействия не только не ослабевает, но все возрастает и расширяется. Такова власть над временем «Слова», его живой связи с мировоззрением и творчеством всего народа.

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

«Слово о плъку Игоревѣ». Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов XIX и XX веков. Редакция текста, его прозаический перевод и комментарий проф. Н. К. Гудзия. Редакция художественных переводов и переложений Петра Скосырева. М., «Советский писатель», 1938.

«Слово о полку Игореве». Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., изд-во АН СССР, 1950.

«Слово о полку Игореве». Вступит. статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой. Подготовка текста и комментарии Л. А. Дмитриева. Л., «Советский писатель», 1952 («Библиотека поэта», Большая серия).

«Слово о полку Игореве». Вступит. статья, редакция текста, дословный и объяснительный перевод, примечания Д. С. Лихачева. Гравюры к тексту и переводу В. А. Фаворского. М. — Л., Детгиз, 1952 (второе, дополненное издание — 1954).

«Слово о полку Игореве». Вступит. статья, редакция текста, прозаический перевод и примечания Н. К. Гудзия. Поэтический перевод и примечания к нему В. И. Стеллецкого. М., Гослитиздат, 1955.

«Слово о полку Игореве». Древнерусский текст и переводы. Вступит. статья, редакция текстов, прозаический и поэтический переводы, примечания к древнерусскому тексту и словарь В. И. Стеллецкого. Стихотворное переложение и пояснения к нему Л. И. Тимофеева. М., изд-во «Просвещение», 1965.

А. С. Орлов. *«Слово о полку Игореве».* М. — Л., изд-во АН СССР, 1946.

«Слово о полку Игореве». Сборник статей под ред. И. Г. Клабуновского и В. Д. Кузьминой. М., изд. Гос. литературного музея, 1947.

«Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., изд-во АН СССР, 1950.

Д. С. Лихачев. *«Слово о полку Игореве».* Историко-литературный очерк. М. — Л., изд-во АН СССР, 1950 (второе издание — 1955).

«Слово о полку Игореве» — памятник XII века». Сборник статей. М. — Л., изд-во АН СССР, 1962.

Д. Лихачев. *Когда было написано «Слово о полку Игореве»?* — «Вопросы литературы», 1964, № 8.

«Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла». К вопросу о времени написания «Слова». Сборник статей. М. — Л., изд-во «Наука», 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Сергеевич
ЛИХАЧЕВ

«Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы

Редактор Г. Смирнова

Художественный редактор
Л. Чалова

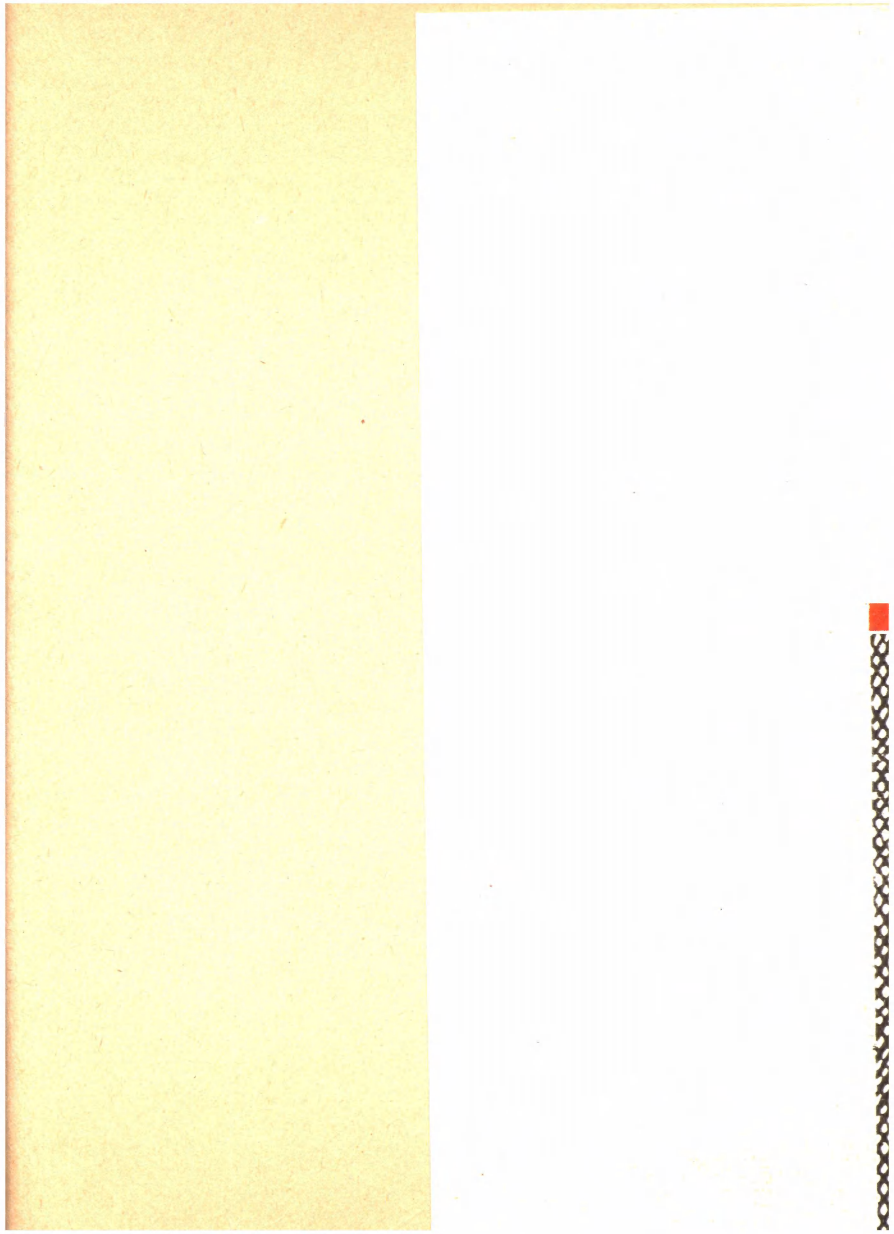
Технический редактор
Э. Марковская

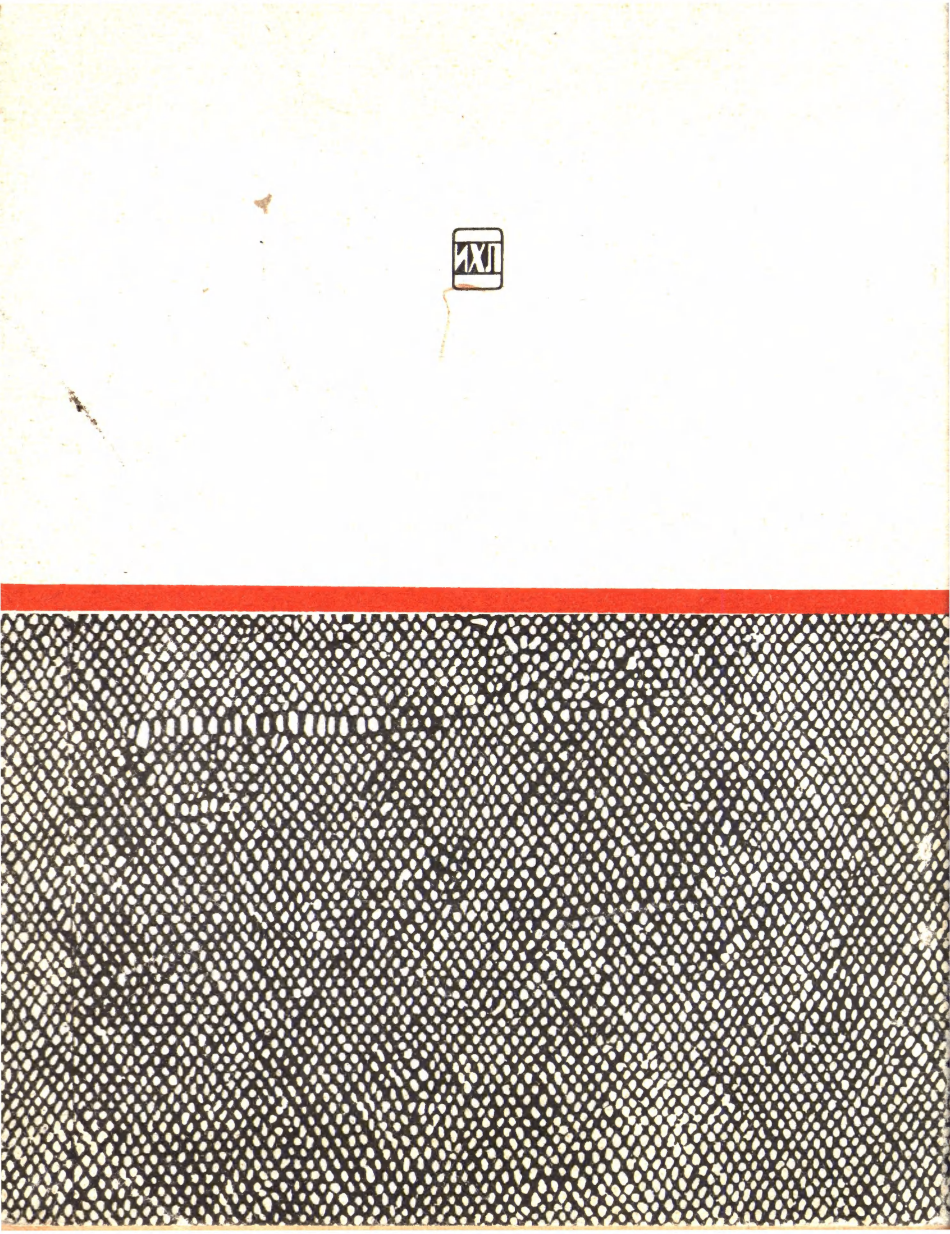
Корректор
Л. Волковыская

Сдано в набор 9/I 1967 г.
Подписано к печати 12/VI 1967 г. Тип. бум. № 1. Формат 70×108[1]/[32]. 3,75 печ. л. 5,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 4,055. Тираж 200 000 экз. Заказ 567. Цена 19 к.

Издательство
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Измайловский пр., 29

ИХЛ